

**Жизненный путь Василия Алексеевича Городцова
(к 150-летию со дня рождения)***

Резюме. В марте 2010 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Василия Алексеевича Городцова, выдающегося русского археолога, одного из основоположников отечественной археологии и основателя московской археологической школы. На основании материалов рукописного архива ученого, хранящихся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея, в статье прослежены основные этапы жизненного пути ученого. Сохранившиеся дневники В. А. Городцова, которые он вел с 90-х гг. XIX в. по ноябрь 1944 г. — практически вплоть до своей кончины, дают возможность проследить его биографию с раннего детства. Он родился 11 марта 1860 г. в многодетной семье дьякона Никольской церкви села Дубровичи под Рязанью Алексея Кузьмича Городцова и его жены Елены Симоновны. Учился в Рязанском духовном училище (1870–1875), затем в семинарии (1876–1879), откуда был исключен. В 1880 г. поступил в Московское пехотное юнкерское училище. Состоял на военной службе более 25 лет, уйдя досрочно в 1906 г. в отставку в звании подполковника. С этого времени он целиком посвятил свою жизнь археологии. Ранние археологические исследования В. А. Городцова связаны с Рязанью и Ярославлем, местами его службы. После переезда в Москву он становится хранителем, затем заведующим археологическим отделом Российского Исторического музея (1903–1929). Ученый разработал систему научного хранения археологического материала в музее, создал первую научную археологическую экспозицию. Он был активным популяризатором

Belozerova I. V., Kuzminykh S. V., Safonov I. Ye. Vasilii Alexeevich Gorodtsov: life course (In commemoration of the 150th birth anniversary of the scholar). In March 2010, there was the 150th anniversary of the birth of Vasilii Alexeevich Gorodtsov, a prominent Russian archaeologist, one of the “founding fathers” of Russian archaeology and the creator of the Moscow archaeological school. Based on the documents from V. A. Gorodtsov’s manuscript archive, which is kept in the Department of Written Records of the State Historical Museum, this article looks into the main stages of the scholar’s life and professional activity. V. A. Gorodtsov’s biography can be traced from his early childhood — thanks to the well-preserved diaries, which he kept beginning from the 1890s up to November 1944, almost till the time of his death. He was born on March 11, 1860, in the village of Dubrovichi near Ryazan, in the large family of Alexey Kuzmich, the deacon of the local St. Nicholas Church Gorodtsov, and his wife Elena Simonovna. V. A. Gorodtsov studied in Ryazan Religious School (1870–1875) and later in the Seminary (1876–1879), from which he was expelled. In 1880 he enrolled in Moscow Infantry Cadet School. V. A. Gorodtsov had been in military service for 25 years, till his prescheduled retirement in 1906 in the rank of lieutenant colonel. Since then he fully dedicated his life to archaeology. V. A. Gorodtsov’s early archaeological investigations are connected with Ryazan and Yaroslavl, the places where he carried out his military service. After he had moved to Moscow, he became the curator and later — Head of the Archaeological Department of the Russian Historical Museum

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проекты 08-01-00024а и 09-01-00510а.

и организатором археологической науки и музейного строительства. Этому способствовала его преподавательская деятельность, которой он посвятил почти 40 лет жизни. Он воспитал целую плеяду археологов, ставших крупными учеными. Анализ архивных материалов позволяет не только проследить основные вехи жизненного пути ученого, но и раскрывает его внутренний и семейный мир. В дневниках содержатся исторические, этнографические, археологические сведения; записи передают восприятие природы и явлений культуры, знакомят нас с кругом общения ученого, передают атмосферу жизни в обеих столицах и в глубинке; в них отражены все его экспедиции с 1889 по 1939 г. (с перерывом в годы мировой войны и революции в 1916–1919 гг.) и связанные с ними удачи и неудачи. Дневниковые записи рассказывают о последних, военных годах жизни ученого, открывая малоизвестные страницы его биографии, которые неразрывно связаны с судьбой страны.

Ключевые слова: персоналии, В. А. Городцов, археология, история российской археологии, Государственный Исторический музей, каменный век, бронзовый век.

(1903–1929). V. A. Gorodtsov worked out the special scientific museum storage system for archaeological materials and organized the first scientific archaeological exhibition. The scholar was an active popularizer and organizer of archaeology and museum development. These endeavours were supported by his teaching career, which lasted for almost 40 years: in Moscow Archaeological Institute (1907–1915), Moscow Public University named after A. L. Shanyavskiy (1915–1918), Moscow University (1918–1931), Moscow Institute of Philosophy, Literature and History (1938–1940). V. A. Gorodtsov educated quite a number of archaeologists who later became distinguished scholars. Analyzing archival sources gives us a chance not only to examine the main steps of the scholar's professional development, but also provides new insights into his personal and family worlds. V. A. Gorodtsov's diaries contain historical, ethnographic and archaeological information; these records reflect the scholar's perception of various natural phenomena and cultural events, introduce us to his social circle and the contemporary atmosphere in the two Russian capitals and the provinces, give important evidence on all his expeditions — with their highs and lows — in the period from 1889 to 1939, with only a short break during the years of the First World War and revolution (1916–1919). The diaries also tell us about V. A. Gorodtsov's last years lived through the Second World War, thus opening previously unknown pages of his biography which are closely linked with the fate of his country.

Key words: persons, V. A. Gorodtsov, archaeology, history of Russian archeology, State Historical Museum, The Stone Age, The Bronze Age.

Источники к биографии В. А. Городцова

Личность В. А. Городцова, выдающегося русского археолога, одного из основоположников отечественной археологии, создателя московской археологической школы, давно привлекает внимание ученых. Однако при изобилии трудов и воспоминаний о Городцове (Зарецкая и др. 1991: 11) источниковедческая база этих исследований не велика, в них встречается много неточностей, искажений и просто неверных сведений. Сама канва жизненного пути Василия Алексеевича намечена только в самых общих чертах. Исключение — рязанский период жизни ученого, которому посвящена монография А. В. Жука (2005). Но,

Рис. 1. В. А. Городцов: первые шаги в родительском доме. Рисунок 1933 г. Картон, масло (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 466. Л. 9).

Fig. 1. V. A. Gorodtsov: first steps in the parents' house. Painting of 1933. Oil on cardboard.

Рис. 2. Поездка с дедом С. П. Шепелевым в с. Алеканово. Рисунок 1932 г. Картон, масло (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 466. Л. 2).

Fig. 2. Trip to the village of Alekanovo with grandfather S. P. Shepelev. Painting of 1932. Oil on cardboard.

В дневниках содержится немало сведений о предках ученого. Василий Алексеевич вспоминал, что в их роду по отцовской линии была известна и очень уважаема прабабушка Агафья, крестьянка села Городца. Выполняя наказ мужа Василия Федоровича, ушедшего на войну и вскоре погибшего, она воспитала и обучила сыновей — Андрея, Кузьму и Игната; двое старших стали сельскими дьячками, а младший, приписавшись к мещанам г. Спасска, занялся торговлей. Это для бедной бобыльской семьи было почти невероятным успехом.

Из «Путевых заметок» за 1891 г. известно, что в этом году Городцов посетил родину своих предков — село Городец, чтобы «познакомиться или хотя бы взглянуть на свое гнездо, из которого я через посредство трех поколений веду начало, и получил свою скромную фамилию... нет ли какой-нибудь причины этого названия, перешедшего через посредство дедов и отца ко мне — первому в роду археологу (любителю древностей)» (Ед. хр. 127. Л. 171).

После женитьбы его родители поселились в селе Дубровичи в доме отца молодой — Симона Петровича Шепелева, бывшего диакона Никольской церкви. От него Василий Алексеевич узнал немало сведений о своем роде по материнской линии. Он вспоминал также, что в детстве нашел на чердаке в дедовском кованом сундуке грамоты, выданные Петром I его предкам, священнослужителям. По документам и рассказам деда, отмечал Городцов, «по материнской линии, род мой в Дубровичах продолжался от 1682–88 до половины XX века, т. е. на протяжении около 250 лет» (Ед. хр. 356. Л. 237об).

В конце жизни Василий Алексеевич часто вспоминал о своем раннем детстве. Вот одна из записей в дневнике: «Любопытно, что чаще всего в моей слабеющей памяти встают воспоминания детских лет, как мне кажется, связанных с лучшими годами моей жизни. И то сказать, я родился в хорошей дружной семье. Во главе семьи стоял отец — человек с положительным, хорошим характером. За ним следовал дедушка Симон Петрович, общий любимец, и мать Елена Симоновна, служившая олицетворением доброты: она пользовалась уважением не только

в семье, но и у всех односельчан. Мало того, ее знали и уважали крестьяне соседних сел, в особенности Алектанова, где она бывала у своего дяди Ивана Петровича. Мать знала несколько лекарственных трав, умела готовить пластырь, и к ней приходило много больных, и мать им помогала всегда бесплатно. Бывали случаи, когда выздоровевшие женщины приносили ей в знак благодарности ягод или грибов из леса. В такой семье жилось всем легко, а у нее было и сытно» (Ед. хр. 357. Л. 129, 129об).

В 1860-е годы маленький Вася много времени проводил с дедом, который дал всем детям в семье начальное домашнее образование: выучил читать и писать, рассказывал об истории Дубровичей и его жителей, брал ребят на сенокос и в ночное (рис. 2). Василий Алексеевич вспоминал, что среди его любимых детских забав были походы на р. Исток — сюда влекла не только рыбалка, но и поиски в реке алебаstra, упавшего с торговых барок. Из него вырезались фигурки гусей, уток, коньков. Другим его любимым занятием стал сбор на окрестных дюнах каменных наконечников копий, топоров, «громовых стрел», обломков керамики с диковинными узорами. То было первое — еще неосознанное — знакомство Городцова с древностями.

Рязанская бурса

Беззаботное детство кончилось в 1869 г., когда умерла мать, оставив сиротами шестерых детей. Заботы о семье легли на плечи отца и старшей сестры Анны, которая, по словам Василия Алексеевича, «отдала свои лучшие девичьи годы и до конца жизни оставалась для них вместо матери». В следующем году стряслась новая беда: в середине лета в Дубровичах сгорело 150 дворов, в том числе и дом Городцовых (рис. 3). А через полтора месяца, 1 сентября, Василия отправили по заведенной в семье традиции в Рязанское духовное училище, но приняли его туда не на полное, а на половинное содержание. Это означало, что он имел постой в казенной квартире, обед и ужин, но не мог пользоваться одеждой и книгами. Как вспоминал Василий Алексеевич позднее, «...последнее было особенно тяжело. Отец дал на книжки 3 рубля... Мне пришлось учиться без книг... приходилось выпрашивать книжки у товарищей... учиться я начал хорошо, но скоро стал отставать и плелся в хвосте класса» (Ед. хр. 353. Л. 277об).

Горькие воспоминания о трудной жизни и училищных нравах не оставляли Городцова даже в зрелые годы. «Бурса в 1870 году представляла настоящую плачевную юдоль» (там же), жил он впроголодь, на учебники и одежду не хватало денег, учеников нещадно секли, учителя — почти сплошь самодуры и воры... Это хорошо знакомо русскому читателю по знаменитым «Очеркам бурсы» Н. Г. Помяловского. Как и многие русские разночинцы, пройдя испытание бурсой, Василий Алексеевич вынес из училища не только знание необходимых общеобразовательных дисциплин, греческого и латинского языков, но и стойкие атеистические взгляды. Его успехи в обучении не были блестящими: учился он слабо, по низшему третьему разряду, по поведению имел четверку, в классе был на 29-м месте (Жук 2005: 87).

По окончании училища в 1875 г. Василий не смог сразу поступить в семинарию, как планировала семья; поэтому вернувшись, домой, в Дубровичи, он

некоторое время выполнял различные поручения отца, прислуживал ему при храме. Цель была достигнута: он получил положительную аттестацию от настоятеля церкви. Эта аттестация через год позволила Городцову поступить в Рязанскую духовную семинарию. Но и здесь Василий продержался только два с половиной года; учился по-прежнему слабо, конфликтовал с учителями. Из записи 1937 г.: «Вспомнил я рязанскую бурсу, где прорабатывали меня: поп Орлов сделал то, что я убежал из бурсы и поступил в солдаты. Орлов преследовал меня со злодейским упорством, третировал, как ничего не знающего» (Ед. хр. 353. Л. 233). Из другой записи следует, что из семинарии его выгнали за «подсказ товарищу во время его ответа в классе», причем «меня жалели даже учителя как ученика, одаренного большими способностями, и если бы я похлопотал, попросил начальство, меня бы, пожалуй, и вернули в семинарию, но я, услышавши об исключении, дал себе клятву не возвращаться в это проклятое заведение, решив поступить в военное училище» (Ед. хр. 356. Л. 128об). Таким образом, Городцов кардинально изменил свой жизненный путь, предпочтя военную карьеру церковному служению. И отец, и сестра Анна отговаривали его от этого шага, описывая все трудности военной жизни и быта. Но он, несмотря на их уговоры, так и не отступил от своего решения.

Сделанный им выбор можно понять, учитывая, с каким трудом давалась ему учеба в училище и семинарии. Военная служба имела в то время высокий общественный статус и привлекала молодых людей возможностью быстрого карьерного продвижения. Немаловажную роль в выборе Городцова сыграла и русско-турецкая война 1877–78 гг., всколыхнувшая жизнь провинциального города: «Торжества побед над турками воспламенили население г. Рязани и доводили самого меня — юношу 17 лет — до какого-то вакхического восторга и исступления. Я участвовал тогда по собственному влечению... во всех шествиях, орациях, торжествах...» (Ед. хр. 352. Л. 130). Однако основной причиной ухода в армию стало безудержное желание и решимость Городцова изменить свою судьбу и вырваться из безрадостного круга провинциальной жизни с ее бедностью, невежеством и рутинной.

Осенью 1879 г. Василий оставил семинарию, несколько месяцев жил дома, а в январе 1880 г. поступил в домашние учителя (или гувернеры) к управляющему Виноградову, получая 10 рублей в месяц и «живя на всем его содержании в 10 верстах от дома в барском доме» (Ед. хр. 330. Л. 48об, 51об). Это был трудный, переломный момент в его жизни. Спустя годы Городцов записал в дневнике, что в то время ему приходила мысль покончить с жизнью, «но это было очень давно, когда над моей горемычной юной головой сгустились непроглядные беспросветные тучи невзгод. 20-летняя сильная кровь тогда удержала от преступления» (Ед. хр. 350. Л. 116об).

Первый коренной перелом судьбы: мундир вместо рясы

В мае 1880 г. Городцов поступил рядовым на правах вольноопределяющегося 2-го разряда в 12-й гренадерский Астраханский полк, расквартированный в Рязани. В августе его командировали в Московское пехотное юнкерское училище, располагавшееся в Лефортове. 28 сентября 1882 г., вскоре после окончания училища, юнкер Городцов был произведен в подпрапорщики (рис. 4).

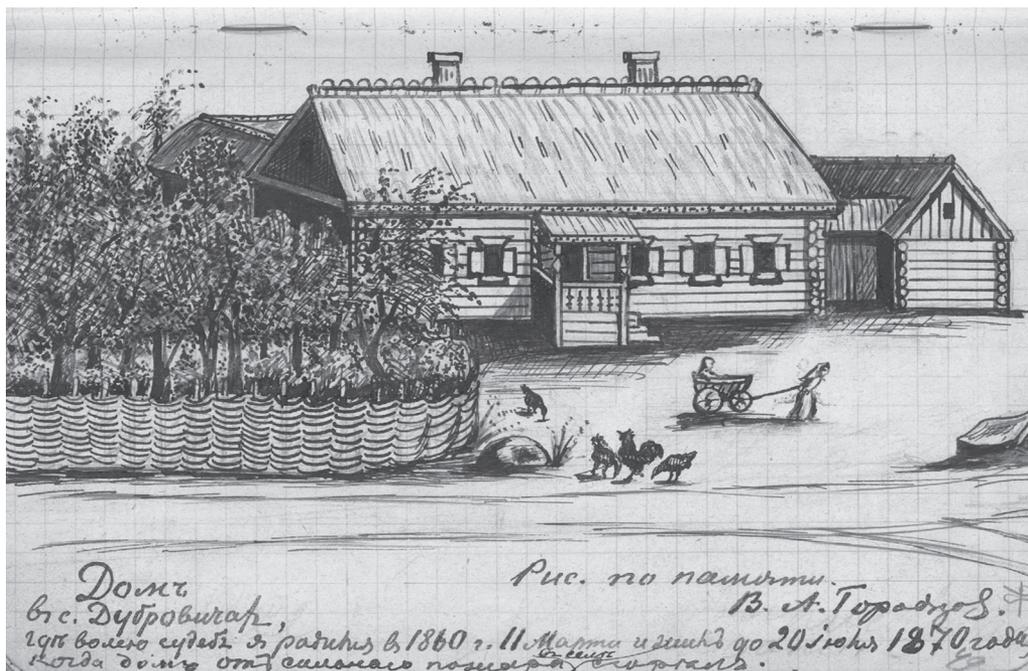

Рис. 3. Дом в селе Дубровичи, где родился В. А. Городцов. Рисунок из дневника 1912 г. Чернила (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 334. Л. 49).

Fig. 3. House in the village of Dubrovichi where V. A. Gorodtsov was born. Ink drawing from the diary, 1912.

Рис. 4. Юнкер 12-го грендерского Астраханского полка Василий Городцов в 1881 г. Рисунок 1932 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 464. Л. 3).

Fig. 4. Vasily Gorodtsov as cadet of the 12th Grenadier Astrakhan regiment in 1881. Drawing of 1932.

Приказом по дивизии от 4 января 1883 г. его с двумя товарищами перевели из Астраханского в 11-й гренадерский Фанагорийский полк — так «мы стали фанагорийцами-суворовцами. Я, как невысокий ростом, попал в 12 роту» (Ед. хр. 356. Л. 127). Как самое большое счастье он воспринял известие о своем производстве в прапорщики — первый офицерский чин в русской армии (19.02.1883). В дальнейшем Городцов исполнял обязанность адъютанта в 1-м батальоне полка (1886–93), командира полковых саперных (1885) и охотничьих команд (1889–99).

Так называемые полковые команды — небольшие по составу подразделения войск — являлись отдушиной в военной жизни младших офицеров, позволяя им проявить инициативу и самостоятельность. Как свидетельствует «Журнал полевых занятий охотничьей команды 11 гренадерского Фанагорийского полка в 1894–1895 гг., составленный начальником команды поручиком В. А. Городцовым», программа их была весьма насыщенной (Ед. хр. 304). Это занятия сторожевой и разведывательной служб, стрелковая подготовка, ориентировка на местности (по компасу, солнцу, деревьям, звездам), рукопашный бой, плавание, верховая езда, многочасовые походы на лыжах, работа с дрессированными собаками, переправы при помощи различных плавучих средств, постройка зимних шалашей и юрт, топографические навыки (умение глазомерно наносить на бумагу от руки все необходимые объекты — реки, леса, горы, мосты) и др. Все эти (как и многие приобретенные позднее) навыки помогли развить выносливость, самодисциплину, выдержку, умение работать с различными коллективами и очень пригодились Василию Алексеевичу в его дальнейшей археологической, полевой и преподавательской работе.

Став батальонным адъютантом, Городцов получил под свое начало не только полковую канцелярию, командование горнистами и барабанщиками — ему по должности полагалась верховая лошадь. За время службы и тепло он вспоминал своего рыжего друга — коня Красавчика. На нем Василий Алексеевич участвовал в полковых смотрах, учениях и военных маневрах. А в конце 1880-х — начале 1890-х годов он выезжал на Красавчике в свои первые археологические маршруты.

На военной службе Городцов приобрел чувство времени, о чем вспоминал впоследствии: «В юности я долго не мог купить карманных часов, но довольно точно определял время, да позволят мне сказать, инстинктивно. Я аккуратно ходил на все занятия без опаздывания (привычка, оставшаяся и до сих пор), в определенное время обедал, пил чай, словом выполнял всё так, как будто в моем кармане был хронометр» (Ед. хр. 349. Л. 73).

Фотографий периода начала его военной службы не сохранилось. Но есть небольшие масляные картинки, выполненные им в 1932 г.: перед нами молодой офицер, стройный, в прекрасном белом кителе, на лучшей полковой лошади — Красавчике, на которой в конце 1880-х — начале 1890-х годов он стал совершать свои первые археологические разведки (рис. 5).

Семья. Дом. Дети. Годы безмятежного счастья

В 1880-е годы в Рязани молодой офицер познакомился со своей будущей женой Елизаветой Евгеньевной Русановой (1869–1928). Она была сиротой; с конца 1880-х годов ее воспитывали бездетные тетка и дядя — Елизавета

Федоровна и Михаил Павлович Русановы. Городцов вспоминал, что его Лизу считали в Рязани очень богатой невестой: у дворян Русановых было имение в 7 верстах от Пронска на ст. Хрущевка на р. Проне. По преданию, в 1870-е годы в это имение часто приезжали из Рязани именитые гости и даже губернатор, вызывался полковой оркестр, устраивалась к именинам жены охота на волка с борзыми на потеху званой публике. Считалось, что у М. П. Русанова была лучшая в Рязанской губернии псовая охота. Вспоминал Василий Алексеевич и о том, что они с Лизой были по-настоящему счастливы в этом имении, проводя здесь отпускные месяцы в первые два года после женитьбы.

В 1887 г. молодые обвенчались и поселились в Рязани в доме Офросимова на Соборной площади. Их комнаты располагались на втором этаже в мезонине, а в нижних этажах зиму и весну проводили родственники Русановы. Никакого приданого и наследства за женой Городцов не получил: имение тетки вскоре после ее смерти было продано за долги. Их семья всегда рассчитывала только на себя и свои силы. Впоследствии Василий Алексеевич с благодарностью возвращался в дневнике к тому, что на первых порах именно жена поддержала его увлечение археологией. Книгу Дж. Леббока «Доисторические времена» (1876), с которой началось его увлечение археологией и которую позднее Г. С. Лебедев (1992: 120) охарактеризовал как «первый абрис эволюции, основанный на археологических данных», они читали вместе. В ОПИ ГИМ сохранился конспект этой книги с его великолепными рисунками и дарственной надписью «на память дорогой Лизе Городцовой от поручика Городцова. Октябрь 1888 г.» (Ед. хр. 125).

В Рязани в 1890 г. родилась их дочь Елена (1890–?). Сыновья же — Олег (1893–1922), Игорь (1896–1934), Мстислав (1899–1968), Ростислав (1900–1920) и умерший в младенчестве Михаил — появились на свет уже в Ярославле.

Дневники по-новому раскрывают личный и семейный мир ученого. Он был заботливым отцом и дедушкой, любящим мужем. Елизавета Евгеньевна всю жизнь была его ангелом-хранителем (рис. 6). Она создавала все условия, чтобы

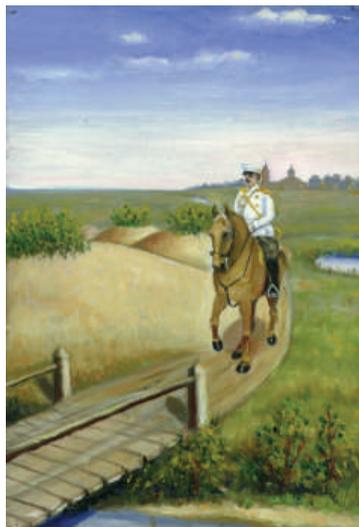

Рис. 5. Первые археологические маршруты на Красавчике в пойме Оки. Рисунок 1936 г. Картон, масло (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 466. Л. 13).

Fig. 5. First archaeological routes ahorse *Krasavchik* (*Handsome*) in the Oka flood-lands. Painting of 1936. Oil on cardboard.

Рис. 6. Елизавета Евгеньевна Городцова. Рисунок 1925 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 470. Л. 26).

Fig. 6. Yelizaveta Yevgenievna Gorodtsova. Drawing of 1925.

Василий Алексеевич мог заниматься наукой, не отвлекаясь на повседневные заботы. После смерти Елизаветы Евгеньевны его не покидали воспоминания об их счастливой семейной жизни — они становятся одной из основных тем дневников. В 1933 г. Городцов посвятил жене пронзительные строки: *«Душа моя наполнилась чувством искренней и глубокой благодарностью к этому верному и незабвенному другу, которому я много обязан своими успехами в жизни. Ведь это она возбудила во мне интерес к археологии, ведь это она всюду и всегда поддерживала меня в трудах. Взвалив на свои слабые плечи всю тяжесть по ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей, она дала мне все время заниматься научными трудами. Безукоризненно честная, она никогда не волновала семьи и не отвлекала внимание от серьезных жизненных трудов... Спасибо тебе, дорогая, и да будет тебе вечная и вечная память»* (Ед. хр. 349. Л. 80об).

Большая семья, в которой Василий Алексеевич был единственным кормильцем, вынуждена была вести кочевой образ жизни, регулярно меняя казенные и съёмные квартиры. Из записи за 1908 г.: *«Итого за 48 лет жизни я переменил 62 квартиры. В это число не вошли кое-какие перекочевки, о которых я, вероятно, забыл. Перемены квартир на маневрах, во время раскопок и разного рода командировок (не менее 100 [квартир]). Все эти передвижения вызывались крайней необходимостью, бедностью и в особенности нищенским содержанием, получаемым на военной службе, благодаря которой приходилось, уезжая в лагерь и перевоза с собою семью на так называемые дачи (какие уж дачи!), из экономии отказываться от квартиры»* (Ед. хр. 330. Л. 51об).

Городцовы воспитали прекрасных талантливых детей. Дочь Елена училась в Полтавском женском институте благородных девиц, где была *«первой ученицей»*; накануне мировой войны она — вольнослушатель МАИ (Отчет 1913: 148). У младшего сына Ростислава уже в раннем возрасте пробудился писательский талант. Он начал писать небольшие рассказы, сопровождая их рисунками, и отец, как мог, поддерживал его начинания: *«Ростик обладал тонкой поэтической и художественной натурой, обещавшей большие творения обществу»* (Ед. хр. 352. Л. 36). Друг семьи, знаменитый художник В. М. Васнецов обратил внимание на художественные способности детей и даже предлагал услуги в их развитии, но финансовые возможности семьи не позволили воспользоваться этим предложением (Ед. хр. 349. Л. 90об, 91).

Два старших сына пошли по стопам отца, став военными. Олег в 1904 г., а через год и Игорь были зачислены во 2-й Московский кадетский корпус, причем *«на казенном содержании»* (Ед. хр. 304. Л. 164), что являлось большим подспорьем для их небогатой семьи. В 1914 г. Олег закончил Александровское военное училище. Младшие — Ростислав и Мстислав — учились в реальном училище. До революции для детей на лето постоянно снималась дача в с. Рождествено на р. Истре близ станции Снегири, где Василий Алексеевич в разные годы производил и археологические раскопки. В дневниках и отдельных альбомах сохранились его зарисовки детей в раннем возрасте.

**Второй коренной перелом судьбы: увлечение, ставшее судьбой.
Рязанский и ярославский периоды жизни.
Судьбоносная роль графини П. С. Уваровой**

В годы службы в Рязани Городцов увлекся археологией и, поначалу как любитель, занялся исследованием окрестных неолитических дюнных стоянок в долине реки Оки, и особенно пристально — близ родного села Дубровичи. Его ранние сборы попали в музей Рязанской ученой архивной комиссии, за исключением самых первых находок 1888 г., подаренных им Российскому Историческому музею (Асташова и др. 1988: 33). С той поездки и обследования дюны Борок, как известно, и началось становление Городцова как археолога-полевика. Заявление в РУАК об открытии близ родного села на дюне Борок остатков селения доисторического человека можно считать началом его научного пути (Энговатова 1991: 65).

Вероятно, уже в рязанский период стали складываться черты характера, позволившие Городцову впоследствии стать известным ученым: черты лидера, феноменальная работоспособность, жажда знания, упорство в достижении цели. На начальном этапе знаний не хватало, и Василий Алексеевич с упорством и настойчивостью занялся самообразованием. Сохранились его конспекты по археологии, палеонтологии, геологии и другим наукам, выписки из трудов археологических съездов, научных обществ, работ А. С. Уварова, И. Е. Забелина, Д. Н. Анучина, Д. Я. Самоквасова, иностранных авторов, в том числе из книги Г. де Мортилье «Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека» (1883), которую в 1891 г. он перевел с французского. Но Городцова особенно интересовали в это время работы предшественников по археологии в Рязанской губернии и прежде всего труды Ф. А. Уварова, А. В. Селиванова, А. И. Черепнина. В 1889 г. начинающего исследователя приняли в члены РУАК, а в 1890 — избрали секретарем археологического отделения комиссии.

В 1895, 1897–98 гг. Городцов продолжил разведочные разыскания по берегам р. Оки в пределах Тульской (Белевский у.) и Рязанской (Зарайский, Рязанский и Спасский у.) губерний. Информация об этих работах оперативно публиковалась в «Древностях», «Археологических известиях и заметках», «Трудах» РУАК (Зарецкая и др. 1991: 3–4). Особенно важными явились исследования поселения бронзового века на дюне Могилки близ с. Алканово (Городцов 1899; 1900). В слое селища наряду с каменными орудиями были выявлены и бронзовые изделия, которые ученый посчитал изготовленными на месте. Вопрос о существовании бронзового века на Оке как самостоятельной культурной эпохи был для него решен.

Выявленные в ходе исследований тех лет памятники и обширная коллекция археологических материалов вошли в первую археологическую карту долины р. Оки (Городцов 1905а), которая стала, по признанию А. А. Спицына, образцом для его последователей в деле изучения археологических микро-районов (Кузьминых, Сафонов 2009). В архиве ученого сохранились большие подготовительные материалы к этой работе (чертежи, планы, зарисовки предметов) (Ед. хр. 132). Важная информация о его ранних исследованиях на Оке отложилась и среди «Материалов к карте неолита» (картотека по губерниям) (Ед. хр. 169–179). Параллельно с археологическими работами Василий Алексеевич вел весьма важные геологические наблюдения четвертичных отложений

на окских террасах и дюнах. Сохранился рукописный конспект его сообщения (13.12.1913) «Окские дюны и их отношение к речным террасам» (Ед. хр. 148). Затем наступил 16-летний перерыв: основные исследования Городцова переместились в Ярославское Поволжье и на юг России. Вновь на родине он окажется лишь в канун мировой войны.

В 1892 г. полк, в котором служил Городцов, перевели в Ярославль. Сразу же после переезда ученый активно включился в работу Ярославской ученой архивной комиссии по археологическому изучению Верхневолжья. ЯУАК была создана спустя два года (1889 г.) после проведения в Ярославле VII Археологического съезда (Аграфонов и др. 2009: 46). Особую роль в ее деятельности играла провинциальная интеллигенция, объединившаяся вокруг профессуры Демидовского юридического лицея. Деятельный офицер быстро сошелся с небольшой группой любителей древностей и знатоков местной истории. С. М. Шпилевский, В. И. Лествицын, Л. Н. Трефолев, Э. Н. Берендтс, И. А. Тихомиров, Е. И. Якушкин, И. А. Вахромеев, А. А. Титов, А. В. Скульский, Я. А. Ушаков и др. составляли тогда ядро ЯУАК (Аграфонов и др. 2009: 39–84). На 11 заседании комиссии (22.12.1895) Городцова избрали действительным членом, затем, вплоть до 1901 г., он был ее секретарем и правителем дел.

Как свидетельствуют дневниковые записи, Городцов считал основным в деятельности ЯУАК не организационные вопросы, а заслушивание и обсуждение научных докладов, и сам активно выступал с таковыми. Причем он не стремился к выделению каких-то эффектных материалов, а предлагал начать планомерное исследование всей территории Ярославской губернии, а итоги изучения отдельных районов считал необходимым выносить на обсуждение комиссии. Для реализации этой задачи рассылались опросные листы для сбора сведений о памятниках. Василий Алексеевич входил в состав подкомиссии по охране и надзору за памятниками старины в качестве эксперта по доисторической археологии. Им была намечена целая программа работ: изучение топографических сведений о городищах и курганах губернии; составление археологической карты; выяснение итогов опроса Статистического комитета от 1880 г. и др. Однако его коллеги по подкомиссии сочли эти задачи преждевременными, и в итоге она, оставшись без четких задач, прекратила свое существование.

Компетенция Городцова не вызывала сомнений в ЯУАК, поэтому именно ему ярославский губернатор В. Д. Левшин от лица комиссии предложил возглавить все раскопки в губернии. Однако Василия Алексеевича интересовала прежде всего первобытная археология, и он, несмотря на предложенную помощь сотрудника РИМ В. И. Сизова, посчитал необходимым поручить эту работу ярославскому краеведу И. А. Тихомирову (см. о нем: Аграфонов и др. 2009: 50–51). Фактически Городцов и Тихомиров были душой ЯУАК того периода.

Помимо археологических исследований Василий Алексеевич в свободное от службы время проводит геологическое обследование берегов Волги и ее притоков, канав города (вплоть до водопровода дивизионной бани и выгребных ям), артезианских колодцев. Отчасти это делается и по заданию «Общества для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении», членом которого он стал в 1898 г.

Городцов пытается найти ответы на вопросы: каким был край в древности? как шло формирование земли? как шел ледник? Дневники этого времени

Археологические исследования Городцова в Верхневолжье не отмечены столь же заметными научными результатами, как на Оке и на юге России. Но благодаря его (равно как и А. А. Спицына) трудам, благодаря «их энергии, энтузиазму, самоотверженной научной и организационной деятельности к началу XX в. археология Центральной России выходит на качественно новый уровень» (Аграфонов и др. 2009: 83). Именно в эти годы закладываются городцовская полевая методика и методы изучения, классификации и интерпретации археологического материала, которые уже тогда опирались на использование данных и приемов естественных наук (геологии, зоологии), а также этнографии, топографии и картографии. Важнейшую роль в становлении и формировании Городцова как ученого сыграло знакомство с председателем Московского археологического общества П. С. Уваровой. Графиня обратила внимание на бесспорно талантливого ученого. В один из приездов Городцова в Москву она подарила ему 14 томов «Древностей» (трудов МАО) за 1865–90 гг., которые он тщательно проработал и законспектировал (Ед. хр. 128). По приглашению Прасковьи Сергеевны он не раз бывал в ее доме в Москве, где встречал обычно «очень радушный прием» (Ед. хр. 325. Л. 44). Между ними завязалась активная переписка³.

Василий Алексеевич неоднократно посещал также и родовое имение Уваровых в с. Поречье Можайского уезда Московской губернии. В последний раз это было 20 июня 1917 г., когда Городцов по поручению Н. С. Щербатова (с 1909 г. директор РИМ; см. о нем: Белозёрова 2010: 1–27) «выехал в Поречье, в имение графа Ф. А. Уварова, для приема коллекций Уваровского музея, принесенного графиней П. С. Уваровой и ее наследниками в дар Российскому Историческому музею» (Городцов, 1997: 126). После того как Прасковья Сергеевна стало известно о разграблении дворцов и коллекций членов императорской фамилии в дни Февральской революции, она с детьми «немедленно уехали в Поречье и принялись там за упаковку и отправку в Москву сперва семейного архива, рукописной библиотеки мужа (3000 томов), дополнительных к ним экземпляров (200 т.), приобретенных после его кончины, музея русских древностей и части мраморов <...>» (Уварова, 2005: 238). Под впечатлением увиденного в музее Василий Алексеевич не мог сдержать чувств, записав в дневнике: «Мне хотелось бы крикнуть нашим отдаленным лучшим потомкам: “Помните Уваровых, они много сделали добра российскому народу...”» (Городцов, 1997: 127).

В 1892 г. Городцова избрали действительным членом МАО. В 1897 г. Прасковья Сергеевна представила его Почетному председателю РИМ великому князю Сергею Александровичу, который одобрительно выслушал доклад Василия Алексеевича и в дальнейшем благосклонно к нему относился. Графиня Уварова постоянно интересовалась планами провинциального ученого и направляла его интересы. Предложение Прасковьи Сергеевны об исследовании майданов и «каменных баб»⁴ в Изюмском и Бахмутском уездах при подготовке XII и XIII Археологических съездов, принятое Городцовым, но приведшее

³ В личном архиве Городцова сохранилось 261 письмо за 1892–1917 гг. от графини П. С. Уваровой.

⁴ Некоторые из них были доставлены в РИМ и выставлены сейчас в «Половецком дворике» музея.

к совершенно иным результатам, нежели ожидала Уварова, стало в итоге решающим шагом к вхождению его в профессию. Ей при содействии брата — князя Н. С. Щербатова (в то время чиновника особых поручений) — удалось откомандировать Городцова в штаб Московского военного округа, о чем он мечтал с середины 1890-х годов, записав в дневнике после заседания Предварительного комитета XI (Киевского) Археологического съезда: «*Необходимо срочно переехать в Москву*» (Ед. хр. 324. Л. 17).

Вхождение в профессию и в цех археологов-профессионалов. Начало службы в Российском Историческом музее

К началу XX в. Городцов был известен в археологических кругах, в первую очередь, как исследователь разновременных памятников Оки и Верхней Волги, но уже тогда особый интерес у него вызывало изучение первобытных древностей (Дубов, Седых 1986: 16–20). В 1900 г., находясь на службе в Ярославле, он написал небольшой очерк «Культуры Ярославской губернии в доисторический период (каменный, бронзовый, железный век)» (Ед. хр. 326. Л. 132–134), в котором попытался представить жизнь людей прошлого. В очерке отсутствует какой-либо анализ самих археологических находок, но он интересен в первую очередь тем, что в нем система классификации по эпохам своеобразным образом наложена на бытописание древнего населения. Такого рода попытки нередки и в более поздних работах ученого, и они вряд ли оригинальны: другие исследователи также совершали подобного рода экскурсии. Важно отметить другое, а именно — стремление Городцова не только дать характеристику археологического материала, но и реконструировать на его основе социально-экономическую сторону жизни древних людей, что впоследствии было реализовано в целом ряде трудов, и впервые наиболее концептуально — в «Бытовой археологии» (Городцов 1910).

К концу XIX в. Городцов был автором около 30 научных работ. Но его рождение как археолога-профессионала, признанного ведущими фигурами русской археологии того времени, состоялось на XI Археологическом съезде в Киеве, когда он представил на обсуждение доклад о доисторической керамике России (Городцов 1901). Из дневника: «*20 августа. Прощай, дорогой Киев! В 1885 г. меня считали чахоточным, и только в Киеве здоровье мое резко переменялось и пошло на поправку, а теперь в 1899 г. я прибыл в Киев совсем неизвестным, а уезжаю покрытый, хотя недорогими, но все [же] лаврами науки, что также бодрит и неволью оживляет*» (Ед. хр. 326. Л. 23).

Теоретико-методическое исследование Городцова привлекло внимание коллег: то был один из первых в русской археологии опытов «*универсальной классификационной системы для описания глиняных изделий*» (Лебедев 1992: 253). Киевский доклад положил начало целой серии работ, в которых детализировались принципы типологического метода. Графиня Уварова по возвращении со съезда в Москву предложила Василию Алексеевичу разобрать ее коллекцию керамики, используя на практике выработанный им сравнительно-типологический метод, но Городцов трансформировал задачу в более общую (Мелешко 2001: 18). Из записи в дневнике: «*Мысль написать “Русскую доисторическую керамику” возникла у меня по возвращении из Москвы*

Рис. 7. В. А. Городцов и В. И. Болшаков во время раскопок в Бахмутском уезде в 1903 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 471. Л. 13).

Fig. 7. V. A. Gorodtsov and V. I. Bolshakov during excavations in the Bakhmutskiy uyezd (district) in 1903.

Рис. 8. В. А. Городцов в первом гражданском костюме. Фото 1905 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 470. Л. 27).

Fig. 8. V. A. Gorodtsov in his first civilian suit. Photo of 1905.

[в Ярославль]... Работа ведена была с большой энергией и увлечением» (Цит. по: Мелешко 2001:18).

Успех на съезде и труда «Русская доисторическая керамика» по достоинству оценила П. С. Уварова. В преддверии XII и XIII съездов в Харькове и Екатеринославе она предложила Василию Алексеевичу исследовать майданы и «каменных баб» и рекомендовала его как археолога-практика организаторам съездов. При раскопках курганных могильников и стоянок в Изюмском (1901 г.) и Бахмутском (1903 г.) уездах в полной мере раскрылся талант Городцова как полевого археолога (рис. 7). Методика его работ, по замечанию В. С. Бочкарева (2001: 9), больше напоминает работы натуралиста, чем гуманитария. Кроме вещевых находок, его интересовали практически все детали погребальных памятников: форма и размеры курганов, состав насыпи, почвы, конструкция могильных ям, поза и ориентировка костяков и т. д. Он тщательно и систематически документировал свои полевые наблюдения и, помимо словесного описания, фиксировал их в форме рисунков, чертежей, схем (там же).

В ходе раскопок на юге России Городцов получил колоссальное количество археологического материала, требовавшего детальной проработки, и он выполнил ее на высоком для того времени классификационном и аналитическом уровне. Василий Алексеевич стал одним из первых отечественных археологов, систематизировавшим погребальные памятники не только по внешним признакам, но и с учетом характера могильных ям, ориентировки и положения погребенного, а также общего характера инвентаря. Принципы сравнительно-типологического метода при работе с погребальными памятниками степного пояса исследователь существенно детализировал по сравнению с «Русской доисторической керамикой». Если раньше в отечественной археологии доминировало мнение о том, что ориентировка скорченных костяков имеет неопределенный характер, то Городцовым обращено внимание на ряд закономерностей, а именно: строго ли соблюдалось правило положения покойника на левом

или правом боку, а затем — положение покойника головою по сторонам света (Городцов 1905б: 179). Эти наблюдения, сведенные в таблицы, с учетом данных стратиграфии позволили предложить классификацию типов захоронений степной бронзы: в ямах, в катакомбах, в срубках, в насыпи и на горизонте, ставших впоследствии самостоятельными археологическими культурами — ямной, катакомбной и срубной. Это был подлинный прорыв в археологии бронзового века Восточной Европы. Городцовской периодизации уже более 100 лет, но она по-прежнему остается стержневой и в современных хронологических системах.

После раскопок в Изюмском и Бахмутском уездах было очевидно, что русская археология приобрела в лице Городцова талантливую и перспективную исследовательницу. Это окончательно убедило графиню Уварову в необходимости пригласить ученого в штат Российского Исторического музея. Сразу же после его выступления по итогам полевого сезона 1901 г. на заседании Московского археологического общества (апрель 1902 г.) она предложила ему место в административном штате музея: *«Гр[афиня] Уварова сказала мне, что в Историческом музее увеличился штат администрации и спросила, желал бы я занять место в музее. Я согласился, и она обещала ходатайствовать перед Великим князем (Сергеем Александровичем Романовым. — Авт.). Было бы счастье переменить службу»* (Ед. хр. 326. Л. 171). Василий Алексеевич с большим воодушевлением воспринял ее предложение, пожелав расстаться с военной службой⁵, дабы полностью посвятить себя научной и музейной деятельности. В 1903 г. начинается его — сначала в должности младшего хранителя — служба в музее. Старшим хранителем РИМ он стал в 1906 г., после ухода в отставку из армии (рис. 8).

Вне службы и науки. Характер ученого и его таланты

С переездом в Москву семья более десяти лет снимала квартиры в центральной части города (на Пречистенке, в Левшинском и Еропкинском переулках, на Смоленском бульваре и др.), пока в 1914 г. не поселилась в Полуэктовом переулке, что между Остоженкой и Пречистенкой. У Василия Алексеевича наконец-то появился дома свой кабинет. Студенты, бывавшие у него в годы Великой Отечественной войны, описывают обстановку квартиры и кабинета с множеством книг в шкафах (Алексеев 1991: 224; Лунин 1991: 235; Николаева 1991: 227; Мерперт 2010). В библиотеке, помимо научной, было немало классической литературы. В часы отдыха Городцов любил перечитывать Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Чехова и других писателей, все же предпочитая произведения Толстого, которого многократно перечитывал, цитировал в дневниках. Поклонницей Льва Николаевича была и Елизавета Евгеньевна — она даже в шутку называла себя «толстовкой»; сохранилось ее сочинение — воспоминание о Толстом (Ед. хр. 367. Л. 1–2). Василий Алексеевич с удовольствием

⁵ На военной службе Городцов не добился значительных успехов: он дослужился лишь до чина капитана и в конце службы, в возрасте 46 лет, командовал в гренадерском полку ротой. 28 марта 1906 г. капитан Городцов Высочайшим указом был уволен с военной службы с производством (минуя чин майора, упраздненный в 1884 г.) в подполковники (с мундиром и пенсией).

штудировал также классические произведения Аристотеля, Фукидида, Тита Ливия, Канта, Гегеля, Фихте, Шеллинга, чтение которых подтолкнуло его к философским размышлениям о закономерностях развития человеческого общества, о разуме и материи, о появлении религии и искусства и др.

Мало кто знает, что Городцов был прекрасным художником и виртуозно владел пером и карандашом (Белозерова, Белоцерковская, Каверзнева и др. 2003). Уже с середины 1880-х годов все его конспекты и выписки, а затем личные и полевые дневники сопровождалось рисунками массового археологического материала, реконструкций жилищ, костюма, обуви и др., а также зарисовками природы, животных, птиц, насекомых, бытовых сценок из жизни и др. Сохранилось несколько альбомов со сценами из жизни древних людей, охоты на животных, участников экспедиции в Тимоновке и др. Рисунки выполнены тушью, карандашом, углем. В 1926 г. Василия Алексеевича, вероятно, не случайно, избрали действительным членом Государственной Академии художественных наук (в те годы он читал здесь курс лекций по первобытному искусству). Городцов лично был знаком с несколькими известными русскими художниками: М. В. Нестеров, А. М. и В. М. Васнецовы, В. И. Суриков часто занимались в фондах РИМ.

В 1930-е годы ученый пристрастился к рисованию акварельными и масляными красками. Сохранились небольшие акварели и 15 картин, в основном биографического характера; несколько картин он подарил родным и знакомым; в 1933 г. полотно «Охота на мамонта» написано для Рязанского музея. Сотрудник музея А. А. Мансуров даже сравнил это полотно Городцова с картиной В. М. Васнецова (Ед. хр. 349. Л. 90).

Вообще, Василий Алексеевич обладал многими талантами. Еще юношей он начал писать стихи — они постоянно встречаются на страницах его дневников. Сохранилась и особая тетрадь со стихами за 1880–1938 годы (Ед. хр. 358). Еще одним увлечением была музыка. Запись в дневнике: *«В ранней юности, я любил музыку страстно. Я любил напевать импровизации, но я был очень беден и в окружающей родной среде не имел ни одного музыкального инструмента, чтобы упражнять слух и развивать вкус; к тому же я был чрезвычайно застенчивым. Петь или напевать свои импровизации я бы никогда не решился в присутствии других людей... Я любил петь в открытом поле, когда преодолевал скучные пространства на Красавчике верхом... Любил я петь в вагонах, когда уединялся на входных площадках. Шум быстро идущего поезда заглушал мой голос. В нашем роду были хорошие певцы. Хорошо пел мой брат Петр Алексеевич, который выучился даже играть на рояле. Двоюродный брат Александр Дмитриевич Городцов, по окончании университетского курса, пел в опере Московского Большого театра, позже в Перми основал народные хоры. Его сын Андрей Александрович Городцов также был хорошим певцом и композитором»* (Ед. хр. 350. Л. 145–146об).

Позднее Василий Алексеевич с удовольствием принимал участие в музыкальных вечерах, которые устраивали по праздникам в их доме Игорь и Мстислав с друзьями. Молодежь пела под сопровождение музыкальных инструментов и немало его радовала. Трогали душу оперные арии, особенно радиотрансляции в годы войны. Без песен не обходилось и в экспедициях.

членов экспедиции своей энергией и активностью. В конце жизни, боясь не успеть обработать собранные археологические материалы, он трудился особенно много. Лишь в редкие свободные от трудов часы Василий Алексеевич позволял себе пешие прогулки по любимым местам Москвы — Зубовскому и Смоленскому бульварам, к Девичьему полю и Новодевичьему монастырю, на кладбище которого были похоронены его родные, многочисленные друзья, знакомые и коллеги.

Еще одной из присущих ему черт сам Городцов считал неуступчивость и прямоту. Конечно, они не всегда шли на пользу дела, а порою попросту вредили ему, становясь причиной ссор и расхождений с коллегами. Об этих чертах своего характера Василий Алексеевич оставил 29.02.1937 следующую запись в дневнике: *«В молодости я высказал три верных мысли: 1) что руины Трипольской культуры представляют остатки жилых, а не погребальных сооружений, как думали вслед за Хвойкой все авторитетные археологи того времени; 2) что «каменные бабы» принадлежат древнему населению Причерноморья и Сев[ерного] Кавказа, а не половцам, как это, вслед за Рубруком, утверждали почти все авторитеты археологии конца XIX и начала XX в. и, наконец, 3) что майданы Ю[жной] России представляют курганы, разрушенные русскими клудоискателями сравнительно недавнего времени, а не особого рода древнейшие земляные сооружения какого-то фантастического назначения, за которые их почитали. Все эти мысли, высказанные более 30 лет тому назад, а в настоящее время признанные всеми верными, но когда они высказывались, то вызывали негодование против меня и стеснение моих работ. Я помню, когда в ответ проф. Веселовскому высказал в печати вторично свою мысль о каменных бабах, то один из крупных московских археологов обратился ко мне с дружеским советом быть осторожнее, так как неосторожность может нажить мне много врагов, и это было верно, но я не мог молчать, полагая, что правильное решение трудных научных вопросов будет полезно всем, и в особенности тем, которые высказывались ошибочно об этом. Наивность моя была жестоко наказана, но наказание меня не исправило (Ед. хр. 352. Л. 45, 45об). Впоследствии выяснилось, что в своих расхождениях с коллегами Городцов не всегда был прав.*

Начало педагогической и музейной деятельности

Для Городцова научная работа была неотделима от пропаганды археологических знаний, поэтому неустанно, в течение многих лет, он вел педагогическую деятельность. Не счесть числа его лекциям, докладам, беседам и экскурсиям, состоявшимся в самых различных научно-исследовательских, учебных и музейных аудиториях, а также непосредственно в экспедициях — для студентов и местных жителей. Василий Алексеевич обладал талантом и даром рассказчика, который завораживал, действовал магнетически на слушателей. Об этом не раз вспоминали его коллеги и ученики Ю. В. Готье, А. Я. Брюсов, Е. И. Крупнов, Б. А. Рыбаков, Д. А. Крайнов, Д. Н. Лев и др. (Зарецкая и др. 1991: 11). Но этот талант рассказчика, лектора высочайшего уровня, способного увлечь, повести за собой слушателей, формировался и оттачивался постепенно — он не был врожденным: ведь Городцов не имел специального образования и своего добивался прежде всего упорным трудом.

Характерно его воспоминание о своем первом публичном докладе (21.12.1898) на годовичном заседании ЯУАК в здании Демидовского лицея, где он выступил с объяснением представленных публике таблиц археологических коллекций. Именно это выступление Городцов называл своим дебютом: «Я никогда не говорил публично без тетрадки, как это нужно было сделать теперь, и очень трусил. У меня была составлена программа, но, к сожалению, я ею не мог воспользоваться, так как для выполнения ее потребовалось бы очень много времени. Пришлось говорить без программы. Как я говорил, не знаю, потому что был в крайне нервном состоянии. Я думал, да и сейчас уверен, что плохо, но когда я кончил, вдруг совершенно для меня неожиданно зал огласился дружными аплодисментами. Это меня совсем смутило, я благодарил публику, покраснел до ушей и уже не помню, что-то начал говорить окружившим меня хорошим знакомым» (Ед. хр. 325. Л. 91об).

Выход Городцова в отставку в звании подполковника в марте 1906 г., назначение на должность хранителя отдела археологии Российского Исторического музея, начало преподавательской деятельности в Московском археологическом институте способствовали быстрому прогрессу в его занятиях наукой. Необходимость подготовки к лекциям, проработка специальной литературы и анализ имеющегося археологического материала послужили мощным стимулом к разработке общей концепции развития археологии в России. На базе РИМ им формируются археологические фонды, коллекции которых служат для проведения практических занятий со студентами.

Приступив к работе в музее, Василий Алексеевич столкнулся с огромными разрозненными археологическими коллекциями. Большая часть из них не прошла даже первичной научной обработки. Опираясь на широко распространенный в начале XX в. типологический метод Оскара Монтелиуса, признанного «короля европейской археологии», Городцов классифицировал, систематизировал и датировал как старые музейные собрания, так и новые поступления. В дальнейшем он существенно развил типологический метод, по праву считается одним из его создателей.

Существующая и поныне в Государственном Историческом музее система хранения археологических коллекций была разработана Городцовым на протяжении всех лет его работы в музее. Уже в 1903 г. он набросал «Проект устройства музея по отделу доисторических и курганных древностей» (Белозерова 1988: 15). Там в мельчайших деталях был разработан проект специальных кладовых, где находились бы удобные, практичные и вместительные шкафы с пазами для планшет, обеспечивающих сохранность и строгий учет коллекций, карточными каталогами с фотографиями, описями на все хранящиеся коллекции с определенным планом размещения полок, ящиков, формами ярлыков. В итоге ученому удалось привести коллекции в порядок. В дальнейшем эта система хранения стала образцом для многих музеев страны.

Благодаря усилиям ученого преобразовалась и экспозиция Исторического музея. При создании первой из них Василий Алексеевич опирался на предложенный им самим в феврале 1905 г. «Порядок размещения доисторических памятников в РИМ» (Ед. хр. 306. Л. 24). В его основу были положены хронологический и географический принципы показа экспонатов (с учетом расположения памятников относительно океанов, морей и речных систем и с вниманием

к ведущим орудиям труда как свидетельствам поступательного развития человеческого общества от палеолита до средневековья) (Городцов 1914б: 22–39). Лучшему восприятию экспозиций разных лет очень помогли путеводители, изданные в 1914, 1921 и 1923 гг.; с археологическими залами посетителей в них знакомил сам Городцов.

В дальнейшем археологическая экспозиция пополнялась материалами ежегодных раскопок, что повлекло за собой радикальную перегруппировку коллекций по археологическим культурам. Разработав периодизацию степных культур эпохи бронзы, Василий Алексеевич в начале 1920-х годов развернул систематическую экспозицию по этому периоду в зале № 5. Это был уже показ конкретных базовых археологических культур (Городцов 1921: 53–66). 25 апреля 1923 г. в честь 35-летия научной деятельности В. А. Городцова залу было присвоено его имя.

Педагогическая карьера ученого началась в 1907 г. в Московском Археологическом институте. Он был утвержден преподавателем сразу по трем кафедрам: первобытной, бытовой и практической археологии. Подготовка лекций позволила ему переработать огромный археологический материал, накопленный отечественной и мировой археологической наукой, и донести его до слушателей в сжатом виде в лекционных курсах «Первобытная археология» и «Бытовая археология» (Городцов 1908; 1910), ставших фактически первыми учебниками по археологии в России. Вскоре были опубликованы и лекции по практической археологии (Городцов 1911). Книги получили высокую оценку научной общественности, прежде всего зарубежной. Тулузская Академия наук присудила Городцову «Золотую пальму» I степени и приняла его в свои ряды. Позже все эти курсы читались в Витебском, Смоленском, Калужском и Ярославском отделениях МАИ (рис. 9).

Рис. 9. Группа слушателей второго выпуска Московского Археологического института. Фото 1911 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 470. Л. 42).

Fig. 9. Second class of graduates from Moscow Archaeological Institute. Photo of 1911.

процесса, в котором вполне определенное место нашли основные археологические культуры, к тому времени выделенные на территории Российского государства и получившие обобщенные, но принципиально в основном верные характеристики» (1992: 254–255).

В России тогда в полной мере не осознавалось значение данных трудов Городцова для русской археологии — такое осознание пришло лишь в 1920–30-е годы. Г. С. Лебедев отмечал, что «переизданные в несколько переработанном виде в советское время, эти работы оставались настольными книгами для нескольких поколений специалистов. В систематичном виде В. А. Городцов, основываясь на творчески переработанной периодизации эволюционистов, а во второй части — последовательно опираясь на «географическую теорию» Л. И. Мечникова, дал практически первую в русской научной литературе развернутую «археологическую версию» мирового культурно-исторического

Важной частью лекций Городцова были практические занятия на экспозиции и в фондах Исторического музея. Кроме того, студенты ежегодно участвовали в археологических раскопках и разведках, выезжая в различные губернии России. Василий Алексеевич учил студентов всему — методике поиска археологических памятников, фиксации разведочных и раскопочных наблюдений в полевых дневниках и даже тому, как правильно пользоваться лопатой. У большинства его учеников-археологов до конца их дней настольной книгой оставалась методическое пособие учителя «Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала» (Городцов 1914).

В 1915 г. Городцов из-за конфликта с директором МАИ А. И. Успенским ушел из института. Василий Алексеевич осознавал необходимость «*поставить дело изучения человека на более серьезном и глубоком основании и именно в том отделе, который в Археологическом институте почти не затрагивается, в отделе древнейшей стадии развития человека*» (цит. по: Стрижова 1988: 31). В 1913 г. он поделился мыслью о создании Института антропологии и доисторической археологии с Д. Н. Анучиным (который впоследствии реализовал этот план) и начал разработку проекта института. Именно это и привело к конфликту с Успенским и стало причиной ухода Городцова из МАИ (там же).

Те же курсы, что и в МАИ, Василий Алексеевич продолжил читать в 1915–1918 гг. в Московском Народном университете им. А. Л. Шанявского для студентов историко-филологического факультета академического отделения и слушателей Эпизодических курсов, а в 1916–1919 гг. — в Нижегородском Народном университете. В первом из них сложилась свободная, демократическая атмосфера; здесь «*всерьез решали проблему соотношения теоретического и практического курсов, разрабатывали новые методы преподавания*» (Там же). В университете им. А. Л. Шанявского работали многие передовые ученые того времени (Ю. В. Готье, Д. Н. Егоров и др.), которым была закрыта дорога в государственные учебные заведения. Василий Алексеевич высоко ценил царившую в университете серьезную научную атмосферу (Там же).

В октябре 1917 г. в Казани был открыт Северо-восточный археологический и этнографический институт (Бречкевич 1919: 81–87). Городцов числился в нем профессором по кафедре археологии. Предполагалось, что он будет вести общие курсы по археологии России, в то время как курсы по археологии Волжско-Камского края и Волжской Булгарии закреплялись за П. А. Пономаревым (в дальнейшем их читали М. Г. Худяков и В. Ф. Смолин). Однако в силу перипетий гражданской войны Василий Алексеевич не смог воспользоваться приглашением казанцев.

На изломе судьбы: беды и страдания Первой мировой и «эпохи перемен»

Городцов очень обостренно воспринимал современную ему действительность. Переехав в 1903 г. в Москву, он фиксирует в дневниках все важнейшие события в жизни России. Примечательны описание Москвы и ее достопримечательностей, катастрофы на Ходынском поле, событий 1905 г., гибели почетного председателя РИМ великого князя Сергея Александровича, русско-японской войны, Февральской и Октябрьской революций, сносов церквей (в особенности храма Христа Спасителя), уничтожения надгробий на Новодевичьем кладбище.

получил отпуск и некоторое время жил у отца. В январе 1920 г. по возвращении в свой полк в Киев пропал без вести. Все запросы Василия Алексеевича в различные инстанции ни к чему не привели.

В июне 1916 г. погиб жених Елены — Борис Константинович Вайда (Городцов 1997: 124). Покупку гроба и перевозку тела в Москву оплатил Городцов, но деньги в итоге были похищены сослуживцем Вайды, князем С. А. Друцким-Соколинским. Эта история нашла отражение на многих страницах дневника (Ед. хр. 342. Л. 157, 193об; 343. Л. 204, 238, 238об; 344. Л. 5) и писем ученого коллегам (особенно пронзительно А. М. Тальгрену). Василий Алексеевич характеризует князя не иначе как «*большим плутом и жуликом*». О состоянии ученого и его семьи красноречивее всего свидетельствуют строки из дневника: «*17 июня [1916 г.]. 6 часов утра. Чувствую, что силы мои надломились, но нужно мужаться, чтобы поддержать других. Самому себе я ровно ни дня ни для чего не нужен... Но для них [семьи. — Авт.], кажется, еще необходим*» (Ед. хр. 342. Л. 152об).

Городцов, как бывший военный, внимательно следил за ходом военной кампании, анализировал в дневниках (Ед. хр. 339–345) ее удачи и провалы, оценивал отношение к войне в российском обществе — от придворных кругов до настроений в деревне. В них отражены не только его личное восприятие войны, запечатленное в описаниях и схемах сражений, вырезках из газет, но и свидетельства знакомых, родных, вести с фронта, слухи — особенно в 1917 г., когда последние стали основным источником информации. Первая мировая война и русские революции 1917 г. послужили объективной причиной прекращения полевых исследований Городцова.

В 1920–30-е годы Василий Алексеевич потерял почти всю свою семью: пропал без вести Ростислав, умерли Олег и 9-месячная внучка Ия (1922); дочь Елена (в замужестве Брандукова) эмигрировала в 1924 или в 1925 г. во Францию; от чахотки умерли жена (1928), сын Игорь (1934) и его жена Клавдия (1935). Их дочь Кира до 1939 г. жила в семье Городцовых (вместе с сыном Мстиславом и снохой Анной). Несмотря на преклонный возраст и постоянную занятость, дед как мог заботился о внучке: помогал в подготовке уроков, читал книги, посещал с нею театры и музеи, покупал одежду, отправлял в пионерский лагерь под Рузу. В 1937 г. Городцов взял ее на раскопки Ильской палеолитической стоянки. В 1938 г. попытался — но безуспешно — отправить Киру во Францию, к дочери. В 1939 г. Кира уехала в Свердловск к племяннице отца — Л. П. Михеевой, дочери брата Петра Алексеевича (см. о нем: Ончуков 1928: 122–125), но Василий Алексеевич до конца жизни высылал деньги на ее содержание. В конце 1930-х ушел из семьи Мстислав. Правда, его жена Анна Алексеевна, работавшая в местном домоуправлении, не оставила пожилого свекра и помогала вести домашнее хозяйство (Мерперт 2010).

Городцов и революция: сбережение традиций русской археологии

Революционные события 1917 года и Гражданская война, которые были восприняты им неоднозначно, явились важным водоразделом в судьбе Городцова. В конце жизни Василий Алексеевич постоянно в мыслях возвращался к тяжелому для него и его семьи послереволюционному периоду: «*Бывали дни,*

и было их много, когда с утра до вечера во рту не было не только хлеба, но и капли воды. Зима 1919 и 1920 годов была особенно тяжела. Дров ни полена, ни единой щепки. Все стыло и замерзало. В Историческом музее, где я тогда служил, лопались стекла в железных витринах, так как железо от стужи сокращалось, и давило с такой силою на стекла, что они от нажима железа трескались и разваливались. Сидеть за работой не было сил. Ноги мерзли. По всему телу пробегала дрожь, и зубы колотили друг о друга. У меня в это время погибли ноги и начали падать здоровые зубы. На холодных каменных полах оставаться целые часы было нестерпимо мучительно» (Ед. хр. 352. Л. 107, 107об). Дома, в Полуэктовом переулке, где не было центрального отопления, также было холодно, печи не топились целыми неделями, дров не было, «ходили и спали одетые во всё, что оставалось из одежды не проданным за куски хлеба. С утра более сильные члены семьи уходили на поиски хлеба или десятка прогнивших и промёрзших картофелин... Много пережито дней, когда с утра до вечера не было ни одного куса пищи» (Там же. Л. 107об, 108, 111). Не имея возможности достать дров, Городцов был вынужден обратиться за помощью к заведующей Музейным отделом Наркомпроса Н. И. Троцкой (Седовой), которая «разрешила одолжить мне дров, сколько можно взять на бельевых салазках... Дворник, войдя в наше положение, сам подкладывал нам дрова, состоявшие из обломков досок разобранного деревянного дома» (Ед. хр. 347. Л. 111).

Несмотря на все тяготы и лишения послереволюционного времени, именно на эти годы приходился расцвет научной и педагогической деятельности ученого. В начале 1920-х годов вышли в свет его важнейшие концептуальные теоретические и методические труды (см. их список: Зарецкая и др. 1991: 8). В них были сформулированы «законы археологии» (прежде всего первобытной), подведены итоги и определены перспективные задачи развития отечественной археологии, в том числе в области изучения каменного века, древнейшего гончарства (в продолжение труда «Русская доисторическая керамика»), древних культур Балкан и Афганистана (что станет возможным для советских археологов лишь спустя десятилетия). В эти же годы выходят путеводители по Историческому музею, методические пособия об охране памятников, заметный блок статей для 1-го выпуска «Трудов ГИМ» (1926 г.).

Научные труды и результаты полевых исследований российского ученого получили высокое международное признание. Свидетельством тому избрание Городцова членом многих зарубежных обществ и организаций, частные приглашения на конгрессы и симпозиумы, переписка с ведущими археологами Европы и США, сохранившаяся в архиве ученого.

Для студентов-археологов МГУ тех лет Городцов был не просто учителем, любимым профессором и руководителем научно-студенческого археологического кружка, а истинным кумиром. Свидетельством тому многочисленные письма и воспоминания его учеников, отложившиеся в ОПИ ГИМ, из которых опубликована, увы, только малая часть (Студзицкая 1997: 129–133; Китова 2007: 251–259 и др.).

Университетская школа Городцова в 1920-е годы существовала как единый научный организм, в котором постоянно общались профессор и его ученики разных поколений. Эта школа представляла собой особое братство, некий клан

под шуточным названием «Тотем Лягавой лягушки». Предводителем и вождем «тотема» был, конечно, сам Василий Алексеевич. Он — часто в ущерб научным занятиям — старался передать ученикам все свои знания и опыт. Его семинары по практическому освоению типологического метода и осмыслению базовых археологических понятий («поселение», «жилище», «погребение» и др.) гораздо лучше готовили его учеников к восприятию марксистской социологии, нежели курсы, которые читали философы-марксисты. Специальные занятия по методике полевых археологических исследований и регулярная экспедиционная практика достаточно быстро вырабатывали у городцовских студентов необходимые навыки для первых самостоятельных разведок и раскопок.

В 1910–30-е годы под началом Городцова было подготовлено большое количество дипломных и диссертационных работ. Василий Алексеевич воспитал целую плеяду блестящих ученых и музейных деятелей. Многие из них в дальнейшем работали в Историческом музее. Это В. В. Гольмстен, Д. Н. Эдинг, А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, Е. И. Басова, Б. Н. и О. А. Граковы, П. А. Дмитриев, С. В. Киселев, Д. А. Крайнов, Е. И. Крупнов, Л. А. Евтюхова, В. П. Левашева, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов, М. Е. Фосс и др.

Городцов разработал оригинальные курсы лекций для археологического отделения факультета общественных наук МГУ (Канторович, 2009: 310). Наиболее известный из них — «Первобытная археология. Каменный период» — издан (Городцов 1923), но большинство остались в рукописях. Свой первый университетский курс «История первобытной культуры» он начал читать в качестве внештатного преподавателя в голодном и холодном 1919 г. (Канторович 2009: 309). Тем не менее, он нашел в себе силы основательно разработать и прочесть этот курс и на следующий год.

В 1920-е годы Василий Алексеевич читал лекции на медицинском факультете и на других отделениях ФОН МГУ (Ед. хр. 114) — историческом, литературно-художественном и историко-филологическом; был председателем президиума отделения искусствознания и археологии и председателем предметной комиссии. После реорганизации ФОН он преподавал с 1925 г. на этнологическом (по отделению истории и археологии) и историко-философском факультетах. Важно отметить, что в 1930 г., в канун ликвидации факультетов исторического профиля в Московском и Ленинградском университетах, Городцов начал читать новый курс «История археологии», который, как он отмечал, «*никто у нас в СССР и за границей не читал*» (Ед. хр. 357. Л. 50).

Преподавательская деятельность ученого не ограничивалась в 1920-е годы МГУ. Курс по истории первобытной культуры (в сжатом виде) был прочитан им в Московском губернском отделе Всероссийского профессионального союза работников советских, общественных и торговых учреждений и предприятий; курс практической археологии — в Миусском отделении Московской социалистической академии народного образования; курсы по истории первобытного искусства, законов и методов научного исследования в археологии — в кабинете искусствознания при Московском народном университете. Рукопись курса «История первобытного искусства» и подготовительные материалы под названием «Мысли, касающиеся искусства» (Ед. хр. 110), безусловно, заслуживают внимания историков искусствоведения и археологии. Специалистов по истории керамики должен привлечь «Конспект по первобытной

керамике» (Ед. хр. 109) — курс, прочитанный на керамическом факультете ВХУТЕМАСа в 1920–21 гг.

В 1920-е годы особенно ярко проявились выдающиеся способности Городцова как организатора, теоретика и методиста. Вместе с другими специалистами его привлекли к работе в учреждениях, связанных с организационным и научным руководством охраной памятников и культуры и археологическим и музейным строительством в России. После революции Василий Алексеевич стал востребован, как никогда ранее. Вот послужной список его важнейших должностей и званий: профессор археологии (утвержден Наркомпросом в конце 1918 г.), профессор кафедры первобытной археологии 1-го МГУ (1919), профессор керамического факультета ВХУТЕМАСа (1920–23), член коллегии Отдела по делам музеев (1918–26) и заведующий археологическим подотделом (1919–26) Наркомпроса РСФСР. Кроме того, он участвовал в создании ряда научных учреждений: в 1919 г. — РАИМК в Петрограде (в 1924 г. ученый стал председателем археологической комиссии Московской секции РАИМК) и МИХИМ в Москве (до начала 1921 г. заведующий археологической секцией); был членом археологической комиссии ГУС (музейно-библиотечной и научно-политической секций) (1923–28) и коллегии Института археологии и искусствоведения РАНИОН (1923–30); в эти же годы работал в ГАХНе, ГАИСе, ВОКСе, преподавал и выступал с лекциями в различных аудиториях, почти ежегодно проводил раскопки и издавал научные труды (рис. 10).

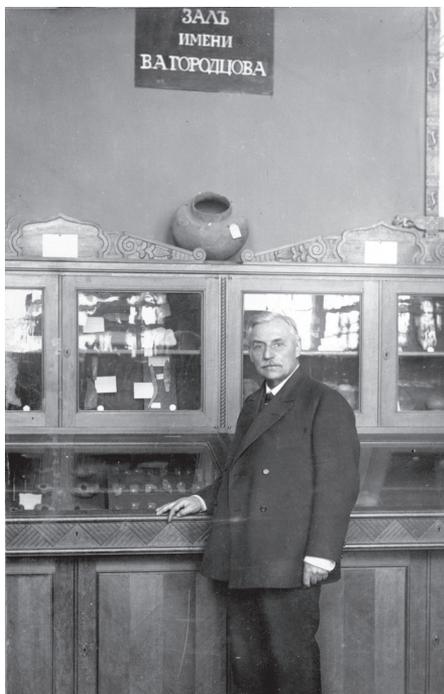

Рис. 10. В. А. Городцов в III зале Исторического музея, носящем его имя. Фото 1923 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 471. Л. 2).

Fig. 10. State Historical Museum. V. A. Gorodtsov in Room 3, named in his honour. Photo of 1923.

В эти же годы Городцов — в самой гуще краеведческого движения страны. Он работал в Центральном бюро краеведения при АН СССР, Совете Всероссийских кооперативных съездов, состоял почетным и действительным членом почти 30 краеведческих обществ. Василий Алексеевич был организатором и непременным участником почти всех проходивших в те годы конференций и съездов (Одесса, Керчь, Херсонес и др.). В 1928 г. его избрали членом подготовительной комиссии по организации I Всероссийского музейного съезда. Он был инициатором созыва I Всесоюзного археологического съезда, вел активную работу в его Подготовительном комитете. К сожалению, этот съезд в итоге так и не состоялся (Вдовин, Кузьминых, Серых 2008).

Пожалуй, только дневник передает нам чувства и переживания Городцова в «год великого перелома», когда началось самое трудное время в его жизни. Как ни

РОССИЙСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК (№ 1 2011) | 499

тяжелы были голод, холод и страдания первых послереволюционных лет, знания и опыт «буржуазного спеца» оказались востребованными новой властью, которую Василий Алексеевич принял и честно ей служил. Но в 1929 г. Городцова уволили из Музейного отдела Наркомпроса и ГИМа (с формулировкой «по рационализации работы музея»). Подводя в дневнике итог году, он записал: «Я вступил в 1930 г. в сферу служебных нажимов. Пришлось уйти из НКП и ГИМ. Последнее было особенно тяжело. Настала сильная нужда. Масса бед сыпалась на мою голову» (Ед. хр. 352. Л. 34об). Увольнение из Наркомпроса ученый пережил менее болезненно: причины отставки были для него ясны и очевидны: «С этого времени я уже больше не нес никаких административных служб, да и не по плечу они мне. Выросши на трудовой жизни, я совершенно не усвоил, что администратору необходимо не только трудиться, но и политиковать, т. е. уметь подслуживаться, где нужно льстить и держать линию начальства, хотя бы и видел, что эта линия не лучшая и не такая общественно полезная. Я же выработал характер неуклончивый, топорный и не годный на службе, в особенности в революционное время» (Ед. хр. 346. Л. 264).

Увольнение из Исторического музея, его второго дома и детища, Городцов воспринял уже как личное оскорбление. Позднее он с горечью вспоминал: «17 сентября 1929 года, без всякого повода с моей стороны, в разгаре строительной работы, я был удален приказом по музею. Через три дня, когда я приступил к сдаче своего поста, меня директор музея [П. Н. Лепешинский. — Авт.] убедительно упрасивал остаться в музее, предлагая то же жалованье, какое я получал, состоя на службе, а сверх сего обещая сделать меня почетным членом Исторического музея и хлопотать о представлении мне звания «Героя труда» и заслуженного деятеля науки. Я решительно отказался, так как чувствовал себя глубоко и незаслуженно оскорбленным. После мне еще два раза предлагали дать место в Историческом музее, но я два раза отвечал отказом» (Ед. хр. 350. Л. 135об)⁶.

Череда увольнений на том не закончилась: Городцова уволили из ГУСа НКП, освободили от должности председателя археологического сектора в ГАИСе и РАНИОНе, закрылась кафедра археологии 1-го МГУ (Канторович, 2009: 311). Таким образом в начале 1930-х Василий Алексеевич фактически остался без работы и заработка. Позднее он недоумевал: «За что на меня так нападали в 1929–1934 годах и в критике, и в бытовой жизни. Научную работу я вел и веду с постоянным усердием, а между тем работы мои критиковали как никуда не годные и жалованья давали 100 р. в месяц, когда в том же учреждении (ГАИМК) моим ученикам давали 300, а сверстникам и вообще взрослым людям по 500 р. Я хотел уйти из ГАИМК, но мне уже некуда было скрыться. Нужда же в жизненных средствах заставила оставаться на службе...» (Ед. хр. 353. Л. 232об, 233).

⁶ Конечно, его связь с музеем не прервалась: в 1932–38 гг. Василий Алексеевич работал в Московском отделении ГАИМК, располагавшемся в том же здании на Красной площади; в 1933 г. в зале № 5 — в честь 45-летия научной деятельности ученого — был вывешен его портрет, выполненный художником М. Г. Соколовым; в течение семи месяцев (7.09.1934 — 17.04.1935) Городцов руководил отделом учета и охраны памятников ГИМ, но в итоге покинул этот пост из-за сильной загруженности и переутомления; позднее (18.04.1940) стал членом Ученого совета ГИМ; в годы войны в подвалах музея хранился архив Городцова (в том числе дневники) и часть библиотеки.

В минуту отчаяния Городцов сжег более 60 своих дневников за 1920-е годы, о чем впоследствии очень жалел и даже пытался их восстановить. В 1930-е — вслед за увольнениями из университетов и научно-исследовательских институтов ученых старой школы, разгромом краеведческого движения, гонениями на археологию (как науку «буржуазную» и «вещеведческую») — были арестованы многие его коллеги. Эта участь грозила и Василию Алексеевичу, имя которого фигурировало в ряде процессов тех лет (Формозов 2006: 195; Ватлин, Канторович 2001: 124–132). Переживания, связанные с событиями тех мрачных лет, ученый не мог скрыть. Он, не таясь, поверил их своему дневнику, уже не оглядываясь на то, чем это может обернуться при аресте.

Несмотря на семейные и служебные невзгоды, Городцов остался крепко духом и считал своим моральным долгом продолжать активную научную деятельность. Он участвовал в организации Московского отделения ГАИМК и Кружка истории техники при Доме ученых (1932), геологического отделения МОИП (1933), палеозоологического сектора КОДЖ (1935). В 1935 г. Городцов возвратился к преподавательской деятельности на биофаке и в Институте антропологии МГУ, в 1938 г. — в МИФЛИ, а в 1941 г., став профессором кафедры археологии МГУ, возобновил чтение курса первобытной археологии студентам военной поры у себя дома, в Полуэктовом переулке. О его последних лекционных курсах с теплотой и благодарностью вспоминают Л. В. Алексеев (1991), Н. Я. Мерперт (2010) и Т. В. Николаева (1991).

К этому времени маститый педагог воспитал целую плеяду ученых, живших в разных концах страны и считавших себя учениками Городцова. Немало его бывших студентов по Московскому археологическому институту и университету им. А. Л. Шанявского сгинули в пучине мировой и гражданской войн или были репрессированы в 1930-е годы. Василий Алексеевич помнил о большинстве из них. Свидетельством тому составленный им «Список наиболее выдающихся учеников», в котором указано сорок человек (Ед. хр. 114). Но перечень этот явно неполный. Примечателен эпизод (зафиксирован в дневнике 23.04.1934), когда в Ленинграде, на конференции, посвященной происхождению, эволюции и породообразованию домашних животных, академик Н. И. Вавилов подошел к Василию Алексеевичу со словами: «Я Ваш ученик по университету Шанявского» (Ед. хр. 350. Л. 66).

Между Москвой и Ленинградом: ученый консультант Института антропологии и этнографии

Середина 1930-х годов — особый период в жизни и научной деятельности Городцова, когда его знания и опыт оказались востребованными — неожиданно для него — в Институте антропологии и этнографии АН СССР. В 1933–37 гг. он состоял ученым консультантом ИАЭ (МАЭ) АН СССР (с 1935 г. ИААЭ). Был ряд причин принять предложение директора института Н. М. Маторина. В Ленинграде визитера обычно сопровождал и брал на себя организационные и бытовые вопросы Д. Н. Лев, с которым у Городцова установились теплые и доверительные отношения; свидетельством тому их переписка (Ед. хр. 412).

Круг обязанностей Василия Алексеевича был очерчен в договоре от 19.05.1933: «1. В. А. Городцов приглашается в ИАЭ в качестве ученого консультанта по

Отделу археологии с 1 мая 1933 г. 2. В круг обязанностей ученого консультанта В. А. Городцова входит: а) давать консультации научным сотрудникам Института и по Отделу археологии, в частности, по специальным археологическим вопросам в области приемки, хранения и научного описания коллекций, их экспозиции; в области намечения [так в оригинале. — Авт.] объектов экспедиционного исследования; в области рецензирования археологических работ и т. п.; б) принимать участие в научных заседаниях, проводимых в ИАЭ по вопросам материального производства и увязки археологии с этнографией. 3. Исполнение обязанностей ученого консультанта осуществляется: а) путем письменных ответов ИАЭ; б) путем личных выездов в ИАЭ по вызову Института, но не чаще одного раза в месяц. 4. ИАЭ обязуется уплачивать за названную работу В. А. Городцову 100 руб. в месяц и оплачивать каждый проезд и суточные. Причем сумма за проезды и суточные не должна превысить 200 руб. в месяц» (СПА РАН. Ф. 142. Оп. 5. Д. 196. Л. 27).

Как видно, первоначально должностная инструкция была составлена весьма общо. Но договора каждый год перезаключались. Соответственно, менялся и перечень обязанностей. С 1934 г. он стал более конкретным, а именно: «а) консультация по обработке и подготовке к экспозиции материалов из Тимоновской палеолитической стоянки — оплата 200 руб.; б) консультация научного сотрудника ИАЭ Д. Н. Лева по теме «История древнейшей металлургии на территории СССР» и руководство его работой над материалами по данной теме, хранящимися в Москве — оплата 300 руб.; в) руководство библиографической работой и предоставление библиографических материалов по археологии СССР — оплата 200 руб.; г) подготовка доклада на тему «Техника обработки каменных орудий по экспериментальным данным», с представлением для печати в изданиях ИАЭ рукописи — оплата 400 руб. Всего на сумму 1100 руб.» (там же. Л. 19).

План работ на 1935 и 1936 гг. существенно не изменился. Из договора 1935 г. «ушли» пункты о консультациях Д. Н. Лева (хотя Городцов продолжал оказывать ему содействие) и подготовке доклада о технике каменных орудий по экспериментальным данным, но включен пункт об отчетном докладе о раскопках на Кубани (там же. Л. 12). Договор 1936 г. дополнился пунктом о консультации по подготовке новой экспозиции палеолита СССР в МАЭ (там же. Л. 7).

На первый взгляд, план работы этих лет явно облегчен, но следует иметь в виду, что 26.02.1935 Городцов и новый директор ИААЭ академик И. И. Мещанинов заключили особый договор о следующем: «1. В. А. Городцов берет на себя обязательство по подготовке к печати работы «Археология, т. II. Палеометаллическая эпоха» объемом в 40 печатных листов <...>. 6. В. А. Городцов обязуется закончить первую половину работы к 1 марта 1936 года, а всю работу к 1 апреля 1937 года» (там же. Л. 17). Тем самым Василий Алексеевич взвалил на себя непомерную ношу: в столь сжатые сроки эта работа была ему не по силам. Но он активно взялся за обработку своего архива, сбор дополнительных материалов из музеев и литературных данных (Сафонов 2002).

При благоприятном стечении обстоятельств Городцову, возможно, удалось бы представить в ИААЭ первый вариант рукописи. Однако 5.02.1937 он получил из Ленинграда извещение о том, что договор на этот год не будет возобновлен. У исследователя, судя по его заметкам в дневнике, опустелись

руки: с уходом из ИААЭ исчезли и «кнут» (обязательство предоставить в срок рукопись), и «пряник» (а это не менее 12 000 руб., причем 25% от этой суммы Василий Алексеевич, согласно договору, должен был получить через две недели после его заключения). Финансовая сторона дела, не менее чем обязательство подготовить в срок «Палеометаллическую эпоху», являлась для него важнейшим стимулом к написанию данного труда. Работа над книгой шла трудно, и когда представилась возможность ее отложить, Городцов — без сожаления в тот момент — это сделал; на первый план вышла подготовка трудов, которые ждали своей очереди. Вновь к работе над 2-м томом «Археологии» он вернулся уже в годы войны.

Среди причин, побудивших Василия Алексеевича к сотрудничеству с ИААЭ, были не только отраженные в официальных договорах (небольшое жалование, оплата командировочных расходов, выделение средств на раскопки Тимоновской и Ильской палеолитической стоянок, Елизаветинских городища и могильника, издательские возможности института и др.). Еще одну из причин раскрывает запись в дневнике от 9.04.1933: *«Служба в МАЭ меня интересует, так как она дает возможность мне стать ближе к ленинградским научным сокровищам»* (Ед. хр. 349. Л. 67). И действительно, Городцов в каждую свою поездку в Ленинград стремился не только побывать в музеях и на выставках, поработать с коллекциями в ГАИМКе, Эрмитаже, Русском музее, МАЭ и музее Четвертичной комиссии или заняться разбором материалов своих раскопок, но и с удовольствием знакомился с городом и восхищался его улицами, набережными и архитектурными памятниками.

Но помимо этих причин немаловажным являлся психологический фактор. В начале 1930-х годов Городцов потерял большинство своих прежних должностей, кроме Московского отделения ГАИМК, костяк которого составляли его бывшие ученики (А. В. Арциховский, С. В. Киселев, А. П. Смирнов, Е. И. Крупнов и др.), перешедшие на «марксистские рельсы» — и он среди них оказался в вакууме. Для молодых московских «марксистов» Василий Алексеевич — уже не кумир и авторитет в науке, а образчик «старой» археологии, которого можно обвинить в поклонении «вещеведению», «формальной типологии» и других грехах (Формозов 2006: 262–263), о котором можно рассказать — по поводу и без повода — что-нибудь дурное (Рабинович 2005: 223, 227; Мерперт 2010). Известно, что предательство учеников Городцов воспринимал очень болезненно, он не раз возвращался к этому на страницах дневника. Приглашение в ИААЭ, институт Академии наук, безусловно, меняло его статус и было своего рода пощечиной ученикам, тем более что в 1934 г. Василию Алексеевичу — в числе первых советских археологов — присвоили степень доктора археологии без защиты диссертации.

Для Н. М. Маторина, который пригласил опального ученого в свой институт, шаг этот был непростым, поскольку мог вызвать раздражение на другой стороне Невы, в ГАИМКе, откуда метались — прежде всего В. И. Равдоникасом — критические стрелы в адрес «буржуазного ученого» Городцова. Но, вероятно, для укрепления археологической части ИААЭ и неизбежного противостояния с ГАИМК такая фигура, как Городцов, пришлась весьма кстати. И это несмотря на то, что отношение к нему ведущих специалистов по палеолиту в Ленинграде П. П. Ефименко, С. Н. Замятнина, Г. А. Бонч-Осмоловского было столь же

непростым (Формозов 2006: 262), как и решение Маторина, поддержанное затем И. И. Мещаниновым.

Василий Алексеевич, помимо тех многих обязанностей, что упоминались выше, регулярно выступал в ИААЭ с докладами. Среди них — «К определению времени Тимоновской стоянки» (23.04.1933), «Подчеремский клад чудских древностей» (21.12.1933), «К истории развития техники сооружения древних укреплений в пределах европейских владений СССР» (15.12.1935), «Частые курганы близ Воронежа» (17.03.1936) и др. Большинство докладов было опубликовано при жизни, а последний — после смерти ученого (Зарецкая и др. 1991: 10). С приходом в ИААЭ Городцов стал активно публиковаться в «Вестнике АН СССР», «Советской этнографии», «Трудах ИААЭ» (Там же). Вычиткой корректур ему приходилось заниматься почти в каждый приезд в Ленинград (обычно раз в два месяца).

С 1935 г. ИААЭ стал издавать ежегодник «Советская археология». В редколлегии журнала вошли И. И. Мещанинов (председатель), С. Н. Замятнин (секретарь), В. А. Городцов, П. П. Ефименко и В. И. Равдоникас. Василий Алексеевич, судя по заметкам в дневнике (15.05.1935), «принимал живое участие в проведении вопроса об издании институтом журнала «Советская археология». Сама мысль об издании этого журнала была высказана мною и поддержана С. Н. Быковским, С. Н. Замятниным и позже принята директором Инст[итута] академиком И. И. Мещаниновым» (Ед. хр. 350. Л. 249).

Преращение работы Городцова в ИААЭ связано, вероятно, не только со сложной обстановкой в институте в 1936–1937 гг., но прежде всего с его реорганизацией в Институт этнографии АН СССР. С преобразованием ГАИМК в Институт истории материальной культуры в системе Академии наук в последнем сосредоточились основные кадры археологов Ленинграда.

Незадолго до этих преобразований Василий Алексеевич получил уведомление (23.01.1936) о представлении его кандидатуры в действительные члены ИААЭ, а в феврале о планирующемся зачислении в штат института, но эти утверждения не состоялись. В институте возобновилась волна сокращений и арестов. Вот запись в дневнике: «Утром ходил в Институт этнографии. Этот институт за один год переменял три названия: был он Институтом антропологии, археологии и этнографии; был Институтом антропологии и этнографии и, наконец, стал Институтом этнографии. В личном составе Института катастрофические перемены. Нет того, нет другого, нет десятка старых работников. Оставшиеся ходят как зачумлённые. Всем ворочают не люди науки, а люди обыденных сует, таковы — секретарь, бухгалтер и др[угие] подобные им, чувствующие себя прекрасно. Залетели вороны в барские хоромы» (Ед. хр. 353. Л. 246об, 247).

Извещение от 5.02.1937 о невозобновлении договора с ним на этот год явилось для Городцова ударом, который предстояло пережить. Тогда же он записал в дневнике: «В среднем я получал от ИААЭ не более 75 р. в месяц... Если бы не крайняя нужда, я, конечно, за такую сумму служить не стал. Но нужда в средствах у меня очень велика» (Там же. Л. 51 об.). Даже такая небольшая потеря денег сильно ударила по семейному бюджету. Позднее Городцов отмечал, что «преращение выдачи жалования в Институте антропологии, археологии и этнографии, прекращение выдачи жалования в Институте

антропологии повергли меня в бедственное положение. Мне не хватало в течение 11 месяцев около 50 рублей в месяц. Я пополнял их из сэкономленных средств в предшествующие годы и случайного заработка в месяц раскопок. Узнав о моих недостатках, КСУ (Комиссия содействия ученым) выдала мне 1000 рублей в помощь, за что я от всего сердца благодарил и благодарю ее» (Там же. Л. 250об).

Несмотря на то, что Институт этнографии не возобновил с ним договор, Василий Алексеевич весь 1937 и начало 1938 г. приезжал в институт, участвовал в его заседаниях, разбирал коллекции Ильской стоянки, консультировал сотрудников и т. д. Однако настроение у него было подавленное. Это передают последние страницы дневника 1937 г., когда он по обыкновению подвел итог года: «Минул для меня тяжелый 1937 год — год, казалось, бесконечных провалов и неудач. Вот их грустный список: 1) закрытие КОДЖа Академии наук СССР, где я был председателем отдела палеонтологии; 2) прекратились связи с Институтом антропологии, археологии и этнографии при Академии наук СССР, где я был научным штатным консультантом и кандидатом в действительные члены; 3) неутверждение в звании члена-корреспондента Академии наук СССР, несмотря на представление меня двумя институтами Академии наук СССР и другими учреждениями; 4) перенос лекций в Институте антропологии с 1936 на 1937 год (ноябрь); 5) неутверждение лектором в историческом факультете Московского гос[ударственного] университета; 6) отказ в отпуске за границу Киры, о котором я так усердно хлопотал; 7) отклонение раскопок большого кургана в Гнёздове, близ Смоленска; 8) болезнь во время раскопок Ильской палеолитической стоянки; 9) исключение Киры из школы; 10) болезнь дочери; 11) волнение по случаю переименования Академии истории матер[иальной] культуры, где я состоял действительным членом, в Институт истории материальной культуры при Академии наук СССР, где утвердили меня и других действительными членами только в ноябре. Всё это не могло не отразиться дурно на мне и отразилось как на здоровье, так и на продуктивности работы» (там же. Л. 250, 250об).

Следующий — 1938 — год принес Городцову меньше огорчений, хотя здоровье его, как он отмечал, «*сильно пошатнулось*». Год был юбилейным: отмечалось 50-летие научной и педагогической деятельности ученого. Это были последние большие торжества в его жизни. В мае Василия Алексеевича поздравляли московские археологи, а в июне — ленинградские. 3 июня ИИМК устроил парадный вечер в Доме ученых, который открыл директор института И. А. Орбели. На другой день состоялось общее собрание Института этнографии, где юбиляра чествовали как своего бывшего сотрудника и для многих близкого человека; Д. Н. Лев произнес проникновенную речь, посвященную биографии патриарха русской археологии (1938: 61). Спустя два года он откликнулся и на 80-летие ученого (Лев 1940: 103).

В годы войны: «осень патриарха»

Личные записи являются основным источником о последних годах жизни Городцова, которые приходится на период Великой Отечественной войны. Тяжелая болезнь не позволила ему эвакуироваться. Вместе со всеми москвичами Василий Алексеевич был свидетелем обороны столицы, разрушения

бомбами многих зданий в центре города, пережил голод и холод первых лет войны. Все, что он узнавал из газет, радио, сводок Информбюро, от знакомых и сына Мстислава, заносилось в личный дневник — это пять общих тетрадей, охватывающих период с сентября 1941 по ноябрь 1944 года. Горячий патриот Родины, Городцов глубоко переживал о военных неудачах наших войск и искренне радовался победам на фронте. В эти годы он изредка выступал на заседаниях Московского отделения ИИМК, а дома читал спецкурс по каменному веку для своих последних учеников кафедры археологии МГУ. Сохранилась одна из рукописей этого курса «Поздняя пора палеолитической эпохи», датированная 10 мая 1944 г. (Ед. хр. 153. Л. 2–15).

Несмотря на болезни, Городцов готовил к публикации второе издание книги «Археология. Т. 1. Каменный период», а также монографию «Археология. Т. 2. Металлический период» (Сафонов 2002: 62–70), но издать их в годы войны было проблематично. К сожалению, в архиве ученого сохранились лишь черновые варианты книг и многочисленные подготовительные материалы. В силу разных причин Василий Алексеевич не смог опубликовать многие свои труды (сам он указал более 20) (Ед. хр. 466. Л. 5; 353. Л. 216). Среди его рукописных работ того времени «Связь катакомбной культуры с Крито-Эгейской культурой» (апрель 1943 г.), «Искусство каменного периода» (май-июнь 1943 г.), «История Дубрович Рязанской области и округа» (июнь 1943 г.), «Миниатюрные культовые домики в древних культурах Евразии и Египта» (ноябрь 1943 г.), «Хвалынская культура палеометаллической эпохи» и «Палеометаллическая эпоха. Ранняя пора. Искусство» (1943–44 гг.), «Хлестаковы в археологии» (май-июнь 1944 г.) (Ед. хр. 38). Они представляют особый интерес не только в плане развития его взглядов, но и как характеристики личности ученого.

В годы войны Городцов был выдвинут на получение Сталинской премии. Однако на каком-то этапе эта процедура была прервана. Точно также проходило выдвижение Василия Алексеевича в действительные члены АН СССР. Начиная с 1936 г. его выдвигали пять раз — ИААЭ, МГУ, ГИМ, ИИМК, но тщетно: всякий раз возникали непреодолимые препоны (Тункина 2004: 184–192; Формозов 2006: 257–266). В годы войны правительственным указом (14.01.1943) Городцову было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР». В 1944 г. за заслуги в научной и общественной деятельности и в воспитании кадров научных и музейных работников он был награжден орденом Ленина.

Василий Алексеевич сам не раз пытался осмыслить свой долгий жизненный путь. Приведем лишь две записи из дневника. 27 марта 1936 г.: «*Что делать, не на радость родила меня мать, не в “рубашке” я родился и не в шелку вырос. Нужда и горе, часто непосильный труд меня сопровождали всю длинную жизнь. С детства, несмотря на живой и общительный характер, я любил одиночество, с детства один играл в игрушки на чердаке отцовского дома. В юности веселье меня не очень пленило, и я предпочитал одиноко скитаться по окским и волжским пустынным дюнам, а в зрелых и старческих годах — сидеть у печки одиноко, изучая мёртвую старину. Во многом я ошибался, во многом грешил, но путь держал в одном лишь направлении — к познанию истины*» (Ед. хр. 352. Л. 53об). 30 июня 1944 г., за несколько месяцев до смерти: «*В мозгу сверлит мысль, зачем я жил, зачем так много трудился? Не знаю, но в труде я ощущал удовлетворение, а иногда и счастье: следовательно, труд не был напрасен,*

а это оправдывает жизнь. Конечно, качество своего труда оценить я не могу. Оценка полезных трудов — дело современников и потомков. Современники ценят мои труды низко; будут ли ценить их потомки выше? Не знаю...» (Ед. хр. 356. Л. 88об).

3 февраля 1945 г., не дожив трех месяцев до Победы, В. А. Городцов скончался. Все его ученики и коллеги прощались с патриархом русской археологии в Византийском зале Государственного Исторического музея. А. В. Арциховский, с долей иронии относившийся в 1930-е годы к своему старому учителю, произнес тогда пророческие слова: «Кончилась жизнь Василия Алексеевича. Началось его научное бессмертие». В. А. Городцов был похоронен на Новодевичьем кладбище рядом с любимой женой и двумя сыновьями.

Василий Алексеевич Городцов по праву считается классиком русской археологии. Само зарождение отечественной археологической науки, ее вхождение в мировой научный процесс неразрывно связано с трудами и деятельностью ученого. В советские годы он с верой и надеждой включился в созидательную работу по сохранению и дальнейшему развитию традиций русской дореволюционной науки.

В истории российской археологии Городцов — одна из культовых фигур, но в оценке его вклада в науку наблюдаются две тенденции: или неуместное восхваление заслуг исследователя, или их принижение. Время все расставило по своим местам, в том числе и в оценке научного наследия ученого. Городцов был человеком своей эпохи. Он нередко ошибался, но не следует забывать, что многие его научные гипотезы стали базовыми для развития целых направлений отечественной археологии. Это и обоснование существования археологии как самостоятельной науки, и разработка типологического метода, и периодизация степных культур бронзового века, и выделение ряда археологических культур — ямной, катакомбной, срубной, волосовской, сейминской, городецкой, дьяковской и др. Не следует забывать и о том, что даже его «ошибки несли на себе яркую печать таланта и смелых поисков» (Черных, Кузьминых 1991: 100).

Неоценима роль Городцова как наставника нескольких поколений российских археологов. Московская археологическая школа по сути выросла из его педагогической школы 1910–20-х годов. Разработанные им лекционные курсы коренным образом изменили статус отечественной археологии. Уже только одно то, что благодаря этим курсам «археология России приобрела полноценные “права гражданства” в мировой археологической науке» (Лебедев 1992: 368), навечно вписывает имя Василия Алексеевича Городцова в историю горячо любимой им археологии, с которой неразрывно были связаны его жизнь и судьба.

В настоящее время авторы настоящего труда готовят к изданию дневники В. А. Городцова. Надеемся, что их публикация явится данью памяти одного из основоположников отечественной археологии и важным источником для ее изучения.

Литература

- Аграфонов П. Г., Праздников В. В., Спиридонова Е. В. 2009. История ярославской археологии. М.: Квадрига.
- Алексеев Л. В. 1991. Последний лекционный курс Василия Алексеевича Городцова // Д. А. Крайнов (ред.). Проблемы изучения древних культур Евразии. М.: Наука. 223–227.

- Асташова Н. И. Белоцерковская И. В., Гуцина И. И., Каверзнева Е. Д., Мошинский А. П. (сост.). 1988. Каталог коллекций В. А. Городцова // ТГИМ 68. 33–62.
- Белозерова И. В. 1988. Музейная деятельность В. А. Городцова // ТГИМ 68, 14–26.
- Белозерова И. В. 2010. Князь Николай Сергеевич Щербатов. М.: ГИМ (Серия «Выдающиеся личности в истории России»).
- Белозерова И. В., Белоцерковская И. В., Каверзнева Е. Д. и др. (сост.). 2003. Василий Алексеевич Городцов и Государственный Исторический музей. М.: ГИМ.
- Бочкарев В. С. 2001. Периодизация В. А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Ю. И. Колев и др. (ред.). Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара: Изд-во ООО «НТЦ». 8–10.
- Бречкевич М. В. 1919. Северо-восточный археологический и этнографический институт в Казани // ИОАИЭ 30:1. 81–87.
- Ватлин А. Ю., Канторович А. Р. 2001. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 г.) // РА (3). 123–131.
- Вдовин А. С., Кузьминых С. В., Серых Д. В. 2008. Всероссийские археологические съезды: от Пскова до Новосибирска // РА 4. 170–177.
- Городцов В. А. 1897. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки, в связи с открытиями в окрестностях с. Дубровичи, Рязанского уезда // Труды VIII АС III. 161–199.
- Городцов В. А. 1899. Результаты археологических исследований 1898 г., произведенных на берегах р. Оки, в пределах Рязанской губернии // АИЗ (VII-6/7). 181–201.
- Городцов В. А. 1900. Отчет об археологических исследованиях в долине реки Оки 1897 г. // Древности (XVII). 1–37.
- Городцов В. А. 1901. Русская доисторическая керамика // Труды XI АС. I. 577–672.
- Городцов В. А. 1905а. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Труды XII АС I. 515–672.
- Городцов В. А. 1905б. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии, 1901 г. // Труды XII АС I. 174–225.
- Городцов В. А. 1908. Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Издание МАИ; Тип. Снегиревой.
- Городцов В. А. 1910. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Издание МАИ; Тип. Снегиревой.
- Городцов В. А. 1914а. Руководство для археологических раскопок. М.: Издание МАИ; Тип. Снегиревой.
- Городцов В. А. 1914б. Памятники доисторические // А. В. Орешников, В. Н. Щепкин, В. А. Городцов и др. (сост.). Краткий путеводитель по [Российскому Историческому] музею. Залы В и 1–6. М.: Тип. Воронова. 22–39.
- Городцов В. А. 1921. Памятники доисторические // Ученая коллегия музея (сост.). Краткий путеводитель по [Государственному Российскому Историческому] музею. Залы 1–6 и В. 2-е изд., испр. и доп. М.: Гос. изд-во. 17–131.
- Городцов В. А. 1923. Археология. Т. 1. Каменный период. М.; Пг.: Гос. изд-во.
- Городцов В. А. 1997. Музей, события, люди... / Публ. И. В. Белозеровой // А. И. Шкурко (ред.). И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма. К 125-летию Государственного Исторического музея. М.: ГИМ. 117–128.
- Дубов И. В., Седых В. Н. 1986. В. А. Городцов и Ярославская губернская ученая архивная комиссия // ВЛУ. Ист., яз., лит. (4). 16–21.
- Жук А. В. 2005. Василий Алексеевич Городцов в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск: Изд-во ОмГУ.
- Зарецкая И. М., Серова Г. Т., Чайникова Е. И. (сост.). 1991. Хронологический указатель трудов В. А. Городцова. Литература о жизни и трудах В. А. Городцова // Д. А. Крайнов (ред.). Проблемы изучения древних культур Евразии. М.: Наука. 3–11.
- Леббок Дж. 1876. Доисторические времена или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей. Пер. с 3-го англ. изд. под ред. Д. Н. Анучина. М.

- Тункина И. В.* 2004. Эпизод к биографии В. А. Городцова: 1938 год // А. Д. Столяр (ред.). Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 184–192.
- Уварова П. С.* 2005. Былое. Давно прошедшие счастливые дни / Подгот. текста и писем, коммент. Н. Б. Стрижовой // ТГИМ 144.
- Формозов А. А.* 2006. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки / 2-е изд., доп. М.: Знак.
- Черных Е. Н., Кузьминых С. В.* 1991. Сейминско-турбинская проблема в трудах В. А. Городцова // Д. А. Крайнов (ред.). Проблемы изучения древних культур Евразии. М.: Наука. 94–101.
- Щавелев С. П.* 2009. Рец.: А. Ф. Жук. Василий Алексеевич Городцов в рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. 536 с. // РА (1). 184–185.
- Энговатова А. В.* 1991. Труды В. А. Городцова по изучению неолита бассейна р. Оки // Д. А. Крайнов (ред.). Проблемы изучения древних культур Евразии. М.: Наука. 65–71.